

12+

ДРАКОН ВОЗДУХА
Галина Тевкин

Галина Тевкин

Дракон Воздуха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44528691

SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой – мальчик Ли, родившийся с определенными духовными задатками в семье Великого Господина. Но по каким-то обстоятельствам, он оказался не на своём месте. В детстве Ли упускает связь со своим Покровителем – серебристым Драконом. С того дня он пытается самоопределиться – кто он, где его место в семье и в этом мире. Жизнь мальчика постоянно находится под угрозой смерти. Справится ли он с испытаниями судьбы, встретится ли он со своим Драконом Воздуха?

Содержание

I	8
II	17
III	28
IV	47
V	69
VI	89
VII	108
VIII	129
IX	149
Эпилог	154

Людвиг ван Бетховен
Соната 23

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*
Федор Тютчев

На полупустой плохо освещенной парковке машины не оказалось.

???

– Я точно не помню, видимо, номера уровней не совпадают с номерами стоянок.

Двери огромного лифта вновь бесшумно сомкнулись за спиной. Наконец сигнализация сработала – машина отозвалась перемигиванием фар.

– Вот она – за тем Land Rover’ом.

– Ты хочешь вести?

– Да, только что-то плохо видно. Подсказывай, как выехать.

– Ладно, давай по стрелке, видишь «Выход»? Налево, налево... налево, еще раз лево, а теперь... направо.

Машина чуть не уперлась носом в ограждающий бортик парковки.

– Где-то промахнулись. Попробуем еще.

...Лево, лево... еще лево... право...

Далеко внизу, отдаленная несколькими уровнями парко-

вок, течет неспешная ночная жизнь аэродрома. Небольшая очередь пустых такси, редкие огоньки машин obsługi на летном поле, сонные темные туши громадных животных-самолетов – отсюда они кажутся игрушечными – теряются в пульсирующем сумраке.

Где-то совсем вдалеке небо освещается огнями бессонного города. Перекрытия верхнего уровня тяжелой массой нависают над головой. Только этот просвет между высоким бортиком ограды и следующим уровнем да еще дверь лифта...

– М... м... да, у нас еще целых полбака...

– Не хотелось бы тратить весь бензин здесь... Лево... лево... лево... и право.

Машина снова плавно подкатила к той же стене...

– Может, стоит ущипнуть друг друга?..

– Каждому непорядку можно найти объяснение.

– Хотелось бы мне сейчас глотнуть чего-нибудь погорячее...

– «Все любят погорячее», но думать-то все равно надо...

– Там, когда поворачиваем «право», что-то проскакиваем...

И... Снова машина у того же ограждения...

– Может быть, мы и не едем?!

– ???

– Ну, просто сидим и разговариваем о том, о сем, а время идет. А что? Не холодно, никого нет, можно спокойно пого-

ворить...

– Слушай, я понимаю, поздно, мы оба устали. Постарайся ехать еще медленнее и смотри вместе со мной...

– Ну, так и быть. Совсем не хочется здесь ночевать... Лево... лево... лево... право...

– Там, там... еще раз «право», – был съезд!!

– Ну да, не доезжая до стены еще раз резко «право»!

Безжизненное мелькание неона на серо-желтой размытости стен. Жалобный всхлип тормозов...

– Это же надо!!

– Давай еще раз!!

– Ну, Боженька, помоги!!

* * *

Я родился в год Дракона Воздуха. Как у всякого, кому посчастливилось прийти в этот мир под сенью блистательных крыл, у меня должен был быть гордый и независимый характер, гибкий и быстрый разум, открытый для знаний, и способность развивать разнообразные навыки и умения.

Да и обстоятельства моего рождения сулили мне, как это и подобало, высокое, даже недостижаемо высокое положение и власть. Как, почему пророчества перестали сбываться, в какой момент жизнь увела меня в сторону от предназначенного пути?

С ранних лет я любил небо – стихию моего Великого По-

кровителя. Я мог часами наблюдать за, казалось бы, незаметными изменениями его блистательной голубизны, за нагромождениями или тонким рисунком облаков видел знакомые образы и картины. Постепенно, продвигаясь в своем познании крошечными шажками, я научился чувствовать воздух – различал его запах и вкус, я слышал шум перемещающихся относительно друг друга в далекой вышине огромных воздушных потоков, ощущал их тяжесть и мощь.

Очень часто мне казалось, что вот еще чуть-чуть, совсем немного – и там, за пышной грядой облаков, или там, между бешено проносающимися потоками воздуха, я увижу его – моего Покровителя. Казалось мне даже, что я вижу, различаю прозрачный абрис его прекрасного тела, слышу шелест его крыл.

Но проходили мгновения радостного сосредоточения, мгновения упоения силой и красотой, и жизнь возвращалась к своим серым низменным проблемам, и не было никого, способного понять и поддержать, объяснить и пойти вместе.

Вот и сейчас как я нуждаюсь в его помощи... Неужели никогда не увижу я воочию Блистательного Господина Воздуха, никогда не услышу его прекрасный голос... Каким путем пойти мне по жизни... Хватит ли у меня сил...

I

Этот день, вернее, события этого дня навсегда врезались мне в память. Были и более ранние, смутные, отрывочные воспоминания – высокий щебечущий голос Госпожи Матери, тепло ее рук, сладко-привычный запах ее одежды, лицо моей нянюшки – прислужницы Хэ, веселый ветерок с запахом цветущих деревьев, поднимающий все выше и выше легкого серебристого Дракона.

Я крепко держу веревочку, не отрывая глаз от его то плавных, то резких попыток высвободиться, взмыть еще выше, улететь еще дальше. Я так поглощен, очарован этим волшебным зрелищем, ведь у меня на глазах легкая серебряная бумага превращается в полного жизни, рвущегося на волю прекрасного моего Покровителя.

Хэ всегда, всегда рассказывала мне о нем – могучем и прекрасном Драконе Воздуха. Я родился под его знаком, и он будет покровительствовать мне, и вся моя счастливая длинная жизнь пройдет под сенью его светлых крыл – так выходило из ее рассказов и песен.

Увлеченный тем, что происходит там, в глубине неба, я совсем забыл о веревочке, о том, что хозяин судьбы должен крепко держать свое счастье, и в какой-то момент, подхваченный порывом ветра, Дракон резко рванулся... и в моих детских ладошках не осталось ничего!

Я помню, как горько плакал, размазывая по лицу горячие соленые слезы, помню, как тихонечко плакала, прижав меня к себе слабыми руками, Госпожа Мать, как Хэ, расстроенная, но сохранившая самообладание, сердито выговаривала ей, а меня старалась успокоить и отвлечь, уверяя, что Дракон на меня не обиделся и еще вернется, и закармливала любимыми мной сладкими лепешками.

Я видел себя играющим палочками на полу в самом веселом лучшем месте комнаты – под столбом дневного света, падающим из отверстия в потолке¹. Но все это были отрывистые, разрозненные воспоминания. По-настоящему, связно я начал помнить и понимать себя только с этого дня, с этого неожиданного поразившего меня посещения.

День начался как обычно: Хэ долго одевала и красила Госпожу Мать. Я всегда с удивлением и внутренним страхом следил за тем, как любимое ласковое лицо, вся моя дорогая Госпожа Мать прямо у меня на глазах превращается в неподвижно-отстраненную незнакомку – только ясный голосок успокаивал и подбадривал меня. И в этот раз я не разразился безутешными рыданиями, ведь был уже достаточно большим, чтобы понять, что это не какая-то чужая враждебная женщина, а моя милая Госпожа Мать, неизвестно почему спрятавшаяся под этой не приятной мне маской.

Потом Хэ принесла еду. Еще долгое время я не подозре-

¹ В интимных помещениях дворца, где содержалась семья, не делали окон и свет в них проникал через особые отверстия в крыше.

вал и не задумывался, как и откуда она берется. К нам в комнату Хэ приносила разные кушанья в горшочках и мисочках, и мы медленно и прилично, как учила Госпожа Мать, поблагодарив предварительно духов предков, ели. Прислуживавшая нам Хэ (я никогда не видел, чтобы она ела) уносила грязную посуду и остатки еды.

После этого по запутанным переходам (Госпожа Мать почему-то не любила, я чувствовал, что даже боялась, встречаться с другими обитателями Дворца: когда мы случайно встречались с какой-нибудь неподвижно-разряженной, с лицом, повторяющим «маску» Госпожи Матери, женщиной, почтительно следовавшая за Госпожой Матерью Хэ всегда прикрывала меня полами своей простой одежды) мы выходили в маленький, огороженный со всех сторон высокой стеной садик. Здесь в самом центре росло красивое грушевое дерево, а у его корней на крошечном клочке травы мне разрешали искать и рассматривать небольших жучков. Госпожа Мать в своих сложных одеждах обычно усаживалась в тени под самой стеной, а мы с Хэ проводили несколько веселых, занимательных часов, предаваясь простым и скромным забавам.

В этот же день Хэ даже не успела убрать после еды, как дверь в нашу комнату распахнулась. Испуганная, трепещущая Госпожа Мать встала, сохраняя видимую невозмутимость – на ее лице-маске ничего не отразилось. Хэ, поспешно задвинув в угол посуду, сама схоронилась в тихом сумра-

ке. Я, снедаемый любопытством – никогда никто не приходил к нам в комнату, – примостился за спиной Госпожи Матери, жадно впитывая происходящее. Комната стала совсем малюсенькой, когда человек в сверкающих одеждах остановился, повелительным знаком приказав окружающим его людям отступить назад.

Никогда еще я не видел такого блеска и великолепия. Стараясь получше рассмотреть величественную фигуру в затканном изображением Дракона одежде (Дракон по праву принадлежал мне – Хэ удалось накрепко вбить эту мысль в мою детскую голову), я невольно выглянул, вытянув шею из-за склонившейся в нижайшем поклоне Госпожи Матери.

Человек что-то тихо сказал, не меняя своей величественной позы, и тотчас стоявший справа от него человек с маленьким блестящим жезлом вытащил меня на середину комнаты и поставил на небольшую, неизвестно откуда взявшуюся скамеечку перед важным человеком.

Теперь я мог хорошо и подробно рассмотреть его сложный богатый наряд и даже вытянул руку, чтобы коснуться пальцем одного из взлетающих Драконов – искусно вышитые изображения Драконов притягивали меня. В отличие от Госпожи Матери и Хэ, я не чувствовал ни страха, ни робости. Но это пока мои глаза вслед за поднимавшимся по одежде Драконом не поднялись достаточно высоко и не встретились с направленным на меня изучающим колючим взглядом.

Никогда больше не пришлось мне так смотреть в эти гла-

за, проникнуть в тайные, неподвластные смертному глубины. Не однажды в течение жизни вспоминая эти глаза, стремился я понять их, постичь значение этого взгляда. Может быть... может быть, пойми я, о чем вопрошали, что сулили они, вся моя жизнь сложилась бы иначе...

Но пока любопытные блестящие глаза шестилетнего ребенка встретились с изучающими, бесстрастными в сознании своего величия глазами Великого Господина – Сына Неба. Всего одно мгновение – я даже не успел как следует испугаться – и я снова стою на полу. Блестящий хвост вельмож медленно полз через низенькие двери нашей, сразу ставшей еще более темной и маленькой комнаты. Я так увлекся, рассматривая их все еще согнутые в почтительном поклоне спины, что не сразу обратил внимание на Хэ, хлопчущую у бездыханно лежащей на полу Госпожи Матери. Вот когда я испугался по-настоящему! Я плакал и, видимо, мешал Хэ – впервые в жизни сердитым голосом она приказала мне отойти в сторону и не мешать ей.

Она сняла с моей Госпожи Матери тяжелые важные одежды, смыла с лица краску, зажгла маленькие, пахнущие свежестью палочки. Наконец Госпожа Мать глубоко вздохнула, открыла глаза и села, поддерживаемая заботливой рукой Хэ. Слабая улыбка коснулась ее беззащитно-нежного без краски рта. Но вот ее взгляд, что-то беспокойно искавший, остановился на мне, и она горько разрыдалась. Разревелся и я, не зная, о чем и почему плачет моя добрая Госпожа Мать, но

чувствуя ее безысходную тоску и отчаяние. Хэ обняла нас обоих своими толстыми крепкими руками.

Первый раз – многое в этот день было в первый раз – я услышал, как она обратилась к Госпоже Матери по имени без почтительного поклона – «госпожа»:

– Не плачь, – уговаривала она ее, – Ли понравился. Он не может не понравиться. Все обойдется. Его не заберут от нас.

Не знаю, верила ли сама Хэ своим словам – не раз жгучая влага ее слез обжигала мою руку, но Госпожа Мать постепенно успокоилась.

– Мне хотелось бы принести жертву предкам, – сказала она еще слабым после недавних слез голосом.

– Как же вы пойдете, Госпожа? – Хэ снова была исполнена почтения. – Если я вас сейчас накрашу, нам может не хватить краски. Главная жена будет очень недовольна².

– Ничего, Хэ, я пойду так, как есть. Сейчас уже темно и нас никто не разглядит. Ты раздобудь подходящую жертву. Мне хотелось бы птичек. А я отдохну.

Пока Хэ не возвратилась, Госпожа Мать, крепко обняв меня, расспрашивала, а больше рассказывала сама о том, какое впечатление произвел на меня неожиданный визит грозного человека. Она объяснила мне, что это большая, огромная честь, что немногие знатные люди, живущие во дворце, мо-

² Речь, скорее всего, идет о ребенке, рожденном в так называемом экзогамном групповом браке, когда аристократ женился на группе близких между собой родственниц. Мать ребенка, вероятно, была одной из вторых жен – родственницей Главной жены.

гут похвастаться таким визитом, скорее всего, никто... Но на мой вопрос: – «За что мы удостоились такой чести?» – не ответила (не хотела? или не слышала моего вопроса?) и продолжала говорить о том, какие последствия, какие изменения могут произойти в нашей жизни и как мы должны гордиться и радоваться тому, что уже случилось, и тому, что еще случится. Но не было в ее голосе той радости и веселья, которые подтверждали бы ее слова. Да и мне совсем не хотелось никаких перемен – я не понимал, что такое «перемены», зачем они нужны.

Было мне хорошо и так. Но вот вернулась и Хэ. Она двумя руками придерживала одежду на груди.

– Мы можем идти, Госпожа. Я выбрала в птичнике двух подходящих птичек. Правда, не было никого, кто бы разрешил мне взять их, – совсем тихо вздохнула она.

Госпожа Мать, казалось, не слышала ее последних слов, поглощенная своими далекими мыслями.

– Да, идем-ка быстрее, – она сгорала от нетерпения, подходя со мной к двери.

– Как, Ли идет с нами? – Хэ не скрывала своего удивления. – Ему еще нельзя быть там³.

– Ты не смеешь перечить мне, – от возмущения голос Госпожи Матери перешел на шепот.

– Я ни на минуту не расстанусь с ним. Ли не останется

³ Из-за высокой детской смертности только по достижении ребенком шестилетнего возраста его считали членом семьи.

здесь один. Ты должна это понимать.

– Идем! – она еще крепче сжала мою руку.

Хэ почтительно скользнула перед нами в осторожно приоткрытую дверь.

Крадучись, почти на ощупь (Госпожа Мать опасалась зажигать огонь), затаиваясь при каждом шуме, пробрались мы в наш маленький садик. Здесь Госпожа Мать зажгла фонарик, и в его робком свете Хэ выкопала небольшую ямку прямо между корнями грушевого дерева. Потом осторожно, придерживая одежду, она передала Госпоже Матери пестренькую птичку. Госпожа Мать вытянула из своей замысловатой прически длинную острую шпильку... Хэ, неожиданно схватив меня за плечи, резко повернула к себе, и я со всей силы уткнулся лицом в ее круглый мягкий живот. От возмущения у меня перехватило дыхание: Госпожа Мать делает что-то, а я совсем ничего не вижу! Не знаю, что она там делает?!

– Хэ, я жду! – раздался приглушенный голос Госпожи Матери.

И пока неловко, одной рукой нянька доставала из-за пазухи вторую птичку и протягивала ее Госпоже Матери, я исхитрился вывернуться и отбежать за дерево. Хэ не успела ни схватить меня, ни предупредить Госпожу Мать.

Я увидел все!! Направляемая нежной слабой рукой Госпожи Матери шпилька, увенчанная прекрасным красным камнем, насквозь пронзила головку маленькой пестрой птички.

Острый конец шпильки стал цвета камня. Но этот цвет был живым, текучим, он соскользнул с острия шпильки и горячей красной капелькой упал на землю. Вслед за ней упал и комочек перьев – то, что мгновение назад было беззащитной трепещущей птичкой.

Госпожа Мать, не поднимаясь с колен, быстро и горячо стала просить духов предков заступиться, защитить нас с ней. Хэ, не теряя времени на мои поиски, скоро и аккуратно засыпала землей маленькую ямку, заровняла бугорок, небрежно бросила сверху несколько маленьких веточек⁴.

Не помню, как меня вывели из-за дерева, как мы вернулись. Скорее всего, так же осторожно, как и пришли в садик. Не помню, о чем говорили и что делали потом, у себя в комнате. Перед моим мысленным взором было маленькое, вздрогнувшее в предсмертной судороге тельце, насквозь пронзенное шпилькой моей любимой Госпожи Матери. Я страшно кричал в эту ночь. Они пытались меня разбудить и успокоить. Но я не хотел просыпаться, не хотел, чтобы они меня успокаивали.

Мне казалось, что я, как и птичка, нанизан на длинную острую шпильку. В эту ночь кончилось мое детство.

⁴ Жертвоприношение совершалось обычно в храме предков. Одним из способов передачи жертвы духам было и погребение ее в землю.

II

В эту ночь кончилось, не успев начаться, мое детство.

Утром Хэ особенно долго и тщательно одевала и украшала Госпожу Мать. Обычно в это время она болтала без умолку – что сказала или что сделала Главная жена, какую из новых наложниц удостоил своим посещением Господин, какие одежды дадут женам на праздник, чем провинился евнух.

Чаще всего меня это не очень интересовало, но иногда даже мне было что послушать – когда во Дворце принимали важных гостей или устраивали большие пиры. Госпожа Мать до мельчайших подробностей расспрашивала об одежде Главной жены, ее украшениях, прическе, Хэ особенно любила рассказывать о многочисленных кушаньях и напитках, которые подавались гостям, мне же интересно было слушать о чужих людях, об их странной одежде, удивительных привычках, а главное, о том, как они беспрекословно слушались нашего Господина, признавали его главенство.

Но сегодня ни одна из них не проронила ни звука. Лишь изредка они обменивались быстрыми вопрошающими взглядами. Даже когда они заметили, что я проснулся и наблюдаю за ними из своего уголка, Госпожа Мать не промолвила ни словечка, Хэ не бросилась ко мне, раскрыв объятия утреннего приветствия. И хорошо, что они не обращали на меня внимания, – вчерашнее посещение все не шло у меня из го-

ЛОВЫ.

Никогда еще я не видел таких важных людей – он был гораздо, гораздо важнее и красивее евнуха, а уж о Главной жене и говорить нечего! – как бы Госпожа Мать и Хэ ею ни восхищались! Интересно, зачем он приходил? и придет ли еще? Я уже почти отважился спросить об этом, как дверь распахнулась – неужели он пришел?! Госпожа Мать, освободившись от рук Хэ, сделала маленький шаг вперед.

Вошедший (я смотрел на него во все глаза из своего затененного уголка) был одет в красивые черные одежды с багрово-желтыми наколенниками⁵ и целым набором всяких интересных вещичек на поясе, плавно покачивающихся в такт его шагам. Он был не такой важный и блестящий, как тот вчерашний Господин, но, наверное, тоже очень важный – Хэ, проворно уползшая в темный уголок, не смела даже поднять головы. Господин внимательно осмотрел Госпожу Мать, даже несколько раз обошел вокруг нее – она как будто застыла в позе глубочайшего почтения, поклонился ей и негромко произнес несколько быстрых фраз. Даже через белую краску было заметно, как вспыхнули и заалели щеки Госпожи Матери, на какое-то мгновение гордо выпрямилась ее спина, но почти сразу же она склонилась перед господином в почтительном поклоне. Он же, бросив неожиданно пристальный взгляд в мой сумрачный уголок, как бы желая разглядеть ме-

⁵ Черные одежды с багрово-желтыми наколенниками – одежда привилегированных сановников.

ня, медленно и важно вышел из комнаты, увлекая за собой ждавших его у порога служителей.

Пока не закрылась дверь и не затихли вдали шаги, никто не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Но вот Госпожа Мать распрямилась и, быстро повернувшись, решительным жестом подозвала Хэ:

– Мы переходим в Восточные покои⁶!!!

– О, Госпожа! – страх или радость прозвучали в сдавленном вздохе Хэ? А может быть, и то, и другое вместе? – О, Госпожа, и вы не боитесь? Это же так...

– Наш Господин хочет, чтобы мы жили там. Я могу только с радостью исполнить его волю.

– Собирайся!

Тут я дернул Хэ за край одежды. Обращаться к Госпоже Матери я боялся – я всегда с трудом узнавал ее в этом торжественном обликии, да и вчерашнее ее обращение с птичкой все еще пугало и отдаляло ее от меня.

– Хэ, – спросил я, – что такое Восточные покои? Кто в них живет? Ты думаешь, что там страшно?

Хэ только успела тяжело вздохнуть.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Ли, – голос Госпожи Матери незнакомо, повелительно звенел, – в Восточных покоях тебя научат подобающему поведению!

– А ты, – она обратилась к Хэ, пристально глядя ей в глаза, – не забывай о своем месте.

⁶ Восточные покои отводились обычно наследнику.

Если она и собиралась еще что-то сказать, то не успела – Хэ предостерегающе подняла руку, и одновременно с этим дверь широко распахнулась, как будто послушалась знака Хэ, и в комнату вошла Главная жена в окружении прислужниц. Она ответила на почтительный поклон Госпожи Матери не менее почтительным поклоном и сказала своим звучным красивым голосом о том, что она поспешила выразить свою радость и уверена, что их сестринская любовь лишь укрепится, а пока оставляет своих прислужниц, чтобы те помогли нам собраться и перенести вещи. И, не дожидаясь ответных благодарственных слов Госпожи Матери, Главная жена величественно и плавно вышла из комнаты.

Часть из пришедших с нею прислужниц остались и начали быстро и ловко шарить по углам, собирая наши нехитрые пожитки. За все время их суетливого любопытства Госпожа Мать не проронила ни слова и не двинулась с места. Хэ крепче прижала меня к себе, прикрыв от вездесущих рыщущих взглядов полой одежды. Но вот чужие равнодушные руки увязали несколько небольших узелков, и, предводительствуемые все такой же молчаливо-безучастной Госпожой Матерью, мы покинули нашу комнату.

Пока мы шли длинными, хорошо освещенными переходами, Госпожа Мать не произнесла ни слова и ни разу не оглянулась на нас с Хэ. Хэ же прилагала все усилия, чтобы не дать никому из прислужниц Главной жены как бы ненароком подойти ко мне поближе, рассмотреть меня. Она, как

могла, опутала мою голову своей одеждой и почти тащила меня на себе, так что я не только почти ничего не видел, но и не попевал за их быстрыми, стремительными шагами – я, привыкший к медленным, осторожным шажкам Госпожи Матери, мог бы сказать, что она бежала.

И вот перед нами распахнулись высокие резные двери Восточных покоев. Как только мы вошли в большую комнату, полную веселого дневного света – в стене было целых два окна! – Госпожа Мать повелела прислужницам оставить наши вещи и возвратиться к Главной жене.

– Передайте Госпоже мою сестринскую благодарность, – добавила она. – Когда я осмотрюсь в этих покоях, я буду смиренно просить мою сестру прислать мне нужных прислужниц, – и Госпожа Мать надменно повернулась к ним спиной.

Прислужницам, видимо, было приказано не уходить и как можно дольше остаться с нами – Главной жене многое о нас хотелось узнать, но они не могли противоречить приказам Госпожи Матери, и, низко склонившись, они, пятясь, вышли из комнаты.

Как только дверь за ними плотно закрылась, Госпожа Мать увлекла нас с Хэ в низенькую, не замеченную мною ранее дверку. За ней по обе стороны узкого прохода располагались три маленькие комнатки. Мы с Госпожой Матерью остались у двери, а Хэ медленно обошла их, переходя из одной в другую. Она вернулась к нам, отрицательно качая головой, видимо, не нашла того, что искала. Теперь я остался

в уголке возле двери с Хэ, а Госпожа Мать, в свою очередь, отправилась осматривать комнаты. Но вот она знаками подозвала нас к себе, и мы вошли в дальнюю комнату.

Свет в нее проникал через маленькое оконце почти под самым потолком, но все равно она выглядела гораздо веселее и приветливее, чем та комната, в которой мы жили раньше. Мне она очень понравилась. Интересно, что искали здесь Госпожа Мать и Хэ? Но спросить я не успел.

– Принеси сюда вещи Ли, – приказала Госпожа Мать. – Это будет его комната. Я займу ту, что ближе к двери. А потом позаботься о еде.

Но Хэ едва успела принести и разложить мои вещи, как раздалось несколько мерных ударов в дверь, и прислужницы внесли в большую комнату два низеньких столика и устроили их друг против друга.

За одним столиком расположилась Госпожа Мать, второй предназначался для меня. Только когда я увидел кушанья, которыми быстро заставили наши столики, я вспомнил, что мы ничего не ели с самого утра, и почувствовал, как голоден. Но под пристальным взглядом Госпожи Матери я старался не торопиться, вести себя пристойно и повторял все ее повадки и движения. Наконец мы поели. Не знаю, наелся ли я, но устал очень – никогда еще не было передо мной столько блюд и никогда столько людей исподтишка, но пристально, не следили за мной.

Госпожа Мать повелела прислужницам удалиться, и тот-

час невесть откуда взявшаяся Хэ – ее никогда не было видно, пока мы ели, – подхватила меня на руки и отнесла в мою комнату. Я так устал от всех этих не понятных мне событий и перемен, что, хотя давно считал себя большим и не спал днем, тут же уснул, едва голова коснулась рога изголовья⁷.

Проспал я недолго. В комнате все еще было светло, хотя фонарики и не горели.

– Ты отдохнул? Вот и хорошо, – сидящая около моей постели Хэ открыла глаза.

Я никогда не знал, спит ли она или просто так сидит рядом со мной, когда бы я ни проснулся, мои глаза встречали ее любящий взгляд.

– Тебе приготовили новую одежду, надо переодеться. Госпожа Мать с учителем ждут тебя.

Мне понравилась моя новая одежда – и маленькие дракончики, как будто приветливо улыбающиеся мне на подоле юбки, и оранжевые, почти как у взрослого, наколенники! Не хватало только пояса с разными иголочками и гребешками⁸, но ничего, Хэ сказала, что и это будет, надо только подрасти.

Я так увлекся всем этим, что забыл спросить у Хэ, что такое учитель. И почему он? оно? ждет меня вместе с Госпожой Матерью, и, когда вошел, почти вбежал, в большую комнату, желая похвастаться обновками, вместо приветливого

⁷ Рог изголовья – валик, вырезанный из рога, который подкладывали под голову, отходя ко сну.

⁸ Поясные украшения являлись принадлежностью зрелого мужа.

наткнулся на предостерегающий взгляд Госпожи Матери.

Маленький человечек (я не мог решить, кто он, он не был одет ни как Господин, ни как евнух, ни как одна из жен, до этого я никогда не видел старых людей и даже не знал, что они существуют, и умел различать окружающих только по одежде, но это явно был и не прислужник, судя по тому, как он почтительно, но с достоинством поклонился), да, маленький человечек встал со своего места и почтительно приветствовал меня! От удивления и восторга я растерялся и почти попытался ответить ему поклоном, как бесцветный голос Госпожи Матери остановил меня:

– Это твой учитель, господин мой Ли. Он обязан заниматься с тобой и научить многим важным вещам. Начинай! – обратилась она к человечку.

Неожиданности одна удивительнее другой: Госпожа Мать назвала меня «господин мой Ли»!!

Да, она назвала меня так! Я ведь даже оглянулся, но в комнате, кроме нас троих, никого больше не было! Что за чудеса! Как это все понять? Но человечек уже выпрямился и жестом пригласил меня к столику, на котором были разложены новые для меня непонятные вещи.

У человечка был тихий сыпучий голос – как будто зернышки крупы, когда их пересыпаешь из одной руки в другую, – однажды Хэ разрешила мне поиграться с тем, из чего делают еду. И вот этим сыпучим голосом он начал говорить о всяких интересных вещах.

Хэ часто рассказывала и о волшебной Линь⁹, и о Белом тигре¹⁰, и, конечно (эти рассказы я любил больше всего и мог слушать бесконечно), о моем покровителе – Драконе Воздуха¹¹. Человечек же (я понял, что его имя – Учитель¹²) рассказывал о незнакомых вещах, которые он разложил на столике. Это были принадлежности для письма, и о каждой из них он рассказывал, для чего она, из чего и как сделана и как ими пользоваться.

Потом он, Учитель, начал спрашивать меня об этих вещах, и, когда я ему все подробно объяснил, странный человечек – как можно все так быстро забыть? – очень обрадовался и долго хвалил меня. Госпожа Мать тоже была довольна – она все время все слушала и, когда я растолковывал Учителю назначение его же вещей, одобрительно кивала головой. Она сказала человечку, что на сегодня, на первый раз, хватит занятий и что завтра он должен прийти для занятий с утра. Учитель еще больше обрадовался и, не переставая хвалить меня и благодарить Госпожу Мать, пятась, вышел из комнаты.

– Я горжусь тобой, – сказала мне Госпожа Мать. – Но так и должно быть – ты обязан очень прилежно учиться и очень

⁹ Линь – самка мифического Единорога. Ее появление предвещает счастье.

¹⁰ Белый тигр с черными полосами. Он не пожирает ничего живого.

¹¹ Дракон Воздуха – один из четырех великих циклических покровителей.

¹² Учитель – детей аристократов обучали основам письма, счета, правилам поведения.

хорошо вести себя. Наш Господин, который дал тебе эту красивую одежду и позволил жить в этих покоях, не должен сердиться. Надо делать все, чтобы он был доволен.

Хэ выглянула из-за приоткрытой двери: «Все готово, Госпожа».

– Идем, – Госпожа Мать крепко взяла меня за руку. Хэ юркнула за еще одну маленькую дверцу в дальнем конце комнаты. Мы с Госпожой Матерью последовали за ней. Хэ несла что-то в большом узле. Она проворно и скоро шла по полутемным запутанным переходам. Дорога, видимо, была ей знакома. Наконец мы вышли на открытый воздух.

Это был маленький садик, огражденный, как и тот наш, со всех сторон высоким забором, но, по сравнению с тем, он казался огромным. Здесь росло несколько деревьев на поросшей травой земле, был выделен участок для низкорослых зеленых растений и цветов, была даже горка из разноцветных блестящих камней.

Из всех наших новых покоев это место, ну, конечно, конечно, понравилось мне больше всего! Пока я стоял и восхищенно рассматривал этот садик, представляя, предвосхищая, как весело и интересно будет мне здесь, Госпожа Мать с Хэ, выбрав местечко на голой земле, неподалеку от каменной горки, занялись странным делом. Хэ развязала свой узел и вынула охапку веточек и палочек. Она ловко сложила их в небольшое гнездышко и осторожно подождала. Когда огонь как следует разгорелся, Хэ вытащила из узла панцирь чере-

пахи и положила его сверху на горящие веточки. Госпожа Мать и Хэ не сводили внимательного взгляда с меняющего цвет, потрескивающего панциря. Вот огонь догорел, и, с трудом сдерживая нетерпение, они начали рассматривать образованный трещинами узор. Они указывали друг другу тонкими палочками на какие-то особые места и важно кивали головами. Наконец панцирь остыл, и Хэ проворно замотала его в узелок¹³. Зола от сгоревших веточек она аккуратно закопала на грядке среди цветов.

Теперь, я думал, они не рассердятся на меня, если я спрошу. И верно, Госпожа Мать ласково улыбнулась мне, а Хэ погладила по голове:

– Радуйся, молодой господин Ли (я уже почти привык, что все называют меня Господином), узор трещин предвещает хорошие перемены. Тебе сопутствует удача. Крепко держи ее, а Госпожа Мать и я постараемся уж оградить тебя от разных напастей, – и она хитренько улыбнулась. Госпожа Мать, в свою очередь, положила свою тонкую легкую руку мне на голову.

– Да, любимый господин мой Ли, начинается новая прекрасная жизнь!

¹³ *Описывается древний обряд гадания по трещинам на щите черепахи, обжигаемом на огне.*

III

«Новая прекрасная жизнь» – мне очень хотелось понять, что такое «новая жизнь»? Мы что, отложим наши жизни, которыми мы жили все это время, в сторону, и Господин даст нам новые?!

И как это – они будут прекрасными? Такие же яркие и блестящие, как одежды Господина? Или ту вкусную еду, что нам подали в первый день в этом Восточном покое, мы будем кушать каждый день?

А может быть, прилетит мой замечательный Дракон Воздуха, и я все время буду с ним вместе, и мы никогда не расстанемся?

Долго в эту первую ночь на новом месте не мог я заснуть. И не только потому, что мысли и вопросы, один интереснее, занимательнее другого, теснились в моей детской голове, наводя на новые размышления и порождая новые вопросы, – впервые в жизни я спал отдельно от Госпожи Матери. У меня, в моей комнате, мое место для сна было покрыто красивой материей с изображением прекрасных цветов и животных, а рог изголовья украшали блестящие дракончики, тускло поблескивающие в свете маленького ночного фонарика. Это был фонарик Хэ. Она сама устроилась на ночь прямо в дверном проеме и на все мои просьбы посидеть рядом со мной и рассказать какую-нибудь из любимых моих давниш-

них историй отвечала, что Госпожа запретила ей это делать и что она очень рассердится, если молодой господин Ли будет продолжать настаивать, а она, Хэ, конечно, не сможет мне отказать.

Да, точно, началась новая жизнь. Но что-то она не такая уж прекрасная. С этими мыслями, глядя на немигающий красный огонек фонарика и представляя, что это расцветает красный волшебный цветок, я незаметно для себя уснул.

Утро и несколько последующих дней не принесли каких-либо особых неожиданностей и изменений. Нет, изменения, хоть и небольшие, были. Хэ только-только успевала одеть меня, как специальный служитель (это был довольно важный, одетый в красивые одежды мужчина) приносил мне еду. Я ел один за специальным уставленным мисочками столиком. Служитель помогал мне справиться с непривычными столовыми принадлежностями и одновременно объяснял и рассказывал о том, из чего, как приготовлена еда и для чего в моем теле она полезна. Ни Госпожа Мать, ни Хэ все время, пока я ел, в комнату даже не заглядывали.

Потом приходил старичок-учитель со своими принадлежностями для письма и, постукивая длинным, из одних косточек пальцем по столику (жалко, что красная с пышным хвостом птица, нахально смотревшая на меня круглым золотым глазом с лакированной черной поверхности, успевала спрятаться под бумагами, а то бы как здорово он застучал ее этим твердым не сгибающимся пальцем!), начинал учить меня, а

потом удивлялся и радовался, когда я ему снова все это рассказывал!

И, наконец, приходила Госпожа Мать. За все это время, что я был занят, Хэ успевала одеть и раскрасить ее – мне было немного жаль, что я уже не вижу, как ловкие руки Хэ превращают мою Госпожу Мать в белолицую госпожу, но я, мне думается, понимал, что это одно из условий нашей новой жизни, – и она появлялась важная и красивая.

Мне нравилось, как учитель почтительно поднимается и низко кланяется ей, а она снисходительно справляется о моих успехах или отпускает его повелительным жестом. После этого мы оставались одни, и можно было позвать Хэ, и отправиться в садик, и там посидеть на маленькой скамеечке у ног Госпожи Матери, и послушать, о чем они негромко и неспешно говорят между собой, или немного побегать, или поваляться на зеленой траве.

Госпожа Мать больше не мучила птичек, и они с Хэ не поджаривали на огне панцирь несчастной черепахи, и я потихонечку стал забывать о том, как я ее боялся и не доверял ей. И уже не вздрагивал, когда она дотрагивалась до меня своими легкими неслышными руками. «Наверно, это и есть «прекрасная жизнь», – думал я, – Госпожа Мать спокойна и весела, Хэ не сердится и не прячет меня под полами своей одежды... Может быть... не знаю, когда я вырасту и буду Большим Господином, я тогда точно буду знать, что это такое».

Но вот как-то после еды, когда мой прислужник ушел и Госпожа Мать с Хэ вернулись в комнату, неожиданно в сопровождении целой толпы прислужниц вошла Главная жена. Мы все склонились перед ней в почтительном поклоне. Прислужницы помогли Главной жене устроиться на изукрашенной скамеечке, которую принесли с собой. И она заговорила с Госпожой Матерью ясным высоким голосом. Госпожа Мать хотела было отправить меня из комнаты, но Главная жена запротестовала: «Господин Ли – наш Господин; у нас нет от него секретов, и он может присутствовать при всех наших разговорах». По знаку Госпожи Матери я снова сел на свою скамеечку.

– Я всегда любила тебя больше всех остальных сестер и очень рада, что ты заняла подобающее тебе место, – в голосе Главной жены не было ни капли любви, а уж поверить, что она рада, и даже очень¹⁴?.. «Пффуй», – сказала бы Хэ.

¹⁴ *Скорее всего, рассказывается о негласной борьбе за власть между женами аристократа. Согласно древнему обычаю только с рождением мальчика все последующие дети признавались дочерьми и сыновьями Господина. Девочкам, рожденным до рождения первенца-наследника, в зависимости от положения их матерей предназначалась разная судьба: дочери наложниц попадали в гарем, их могли поменять или подарить дружественному господину. Дочерей жен обучали искусству вести хозяйство, рукоделию и музыке. Девочки, рожденные после рождения наследника, признавались дочерьми Господина и воспитывались и содержались соответственно этому званию – они предназначались в жены высших советников, браки с ними укрепляли важные политические союзы. Все мальчики, рожденные после первенца, признавались сыновьями Господина. Они получали соответствующее воспитание и образование. При удачных обстоятельствах каждый из них мог стать наследником Господина.*

– Теперь наша сестринская любовь и дружба только укрепятся. Я уверена, ты примешь мой небольшой дар с тем же почтением, с каким я приношу тебе его, – она хлопнула в ладоши, и три быстроглазые прислужницы склонились перед Госпожой Матерью в низжайшем поклоне.

Не знаю, чувствовала ли Госпожа Мать благодарность или почтение, но говорила она непривычно долго и, вероятно, очень устала к концу – я заметил, как Хэ внимательно следила за ней. Но следили за Госпожой Матерью и еще одни глаза, не такие преданные и любящие, они не пропускали ни одного движения, ни одного поворота головы. Даже выражение глаз – ничего не укрылось от внимательного взгляда Главной жены.

– Мне грустно видеть, что Госпожа, моя сестра, все так же хрупка и слаба здоровьем, и я приглашаю ее разделять со мной трапезу и проводить вместе часы досуга, если это не препятствует ее другим важным обязанностям, – Главная жена выжидающе молчала.

Она не отводила темные дыры глаз на белом лице от маленького личика Госпожи Матери. И Госпожа Мать своим ясным голоском сказала, что она рада визиту любимой Главной жены и ее дару, – она чуть повела глазами в сторону все еще сложенных в поклоне прислужниц, – и, конечно, с благодарностью принимает приглашение на трапезу и как-нибудь, в удобное время, обязательно им воспользуется.

Да, да, продолжала радоваться Главная Жена, конечно, в

удобное время, именно об этом идет речь, она приглашает свою любимую сестру на трапезу каждый день. Это самое удобное и подходящее время. Она уверена, что ее любимая сестра будет очень довольна.

Главная жена медленно поднялась и величественно вышла из комнаты. Госпожа Мать лишь молча склонилась в поклоне. Хэ тихонечко кашлянула. Госпожа Мать вспомнила о новых прислужницах.

– Вы можете встать. Хэ, устрой их в той пустой комнате, – сказала она. Прислужницы, низко поклонившись, вслед за Хэ неохотно вышли из комнаты. Госпожа Мать подошла ко мне.

– Как быстро она пришла. Я надеялась, что мы больше времени проведем вместе. Запомни, что я тебя очень люблю, – Госпожа Мать никогда не говорила со мной таким голосом.

Мне хотелось утешить и успокоить ее, я чувствовал, хотя и не понимал, почему, что она очень испугана, но не успел – Хэ вернулась в комнату. Госпожа Мать гордо выпрямилась.

– Идемте, – она кивнула в сторону дверки, ведущей в садик. Хэ устроила Госпожу Мать среди красивых вышитых материй, под ноги поставила ей маленькую скамеечку.

– Я хочу, чтобы ты всегда оставалась с господином Ли, – обратилась к ней Госпожа Мать. Она не выпускала моей руки и пристально смотрела в лицо Хэ, – я готова к самому худшему.

– Госпожа моя, – Хэ опустилась перед Госпожой Матерью на колени. – Госпожа моя, не...

Дверка распахнулась – одна из новых прислужниц почти вбежала в садик, бросая любопытные взгляды по сторонам. Она тут же склонилась в поклоне.

– Госпожа, мы так испугались, когда нигде не нашли тебя. Мы твои смиренные тени! Так не покидай нас!

Мне казалось, что из-под низко опущенной головы прислужницы нет-нет да блеснет любопытный глаз. Я сразу почему-то невзлюбил эту женщину.

– Благодарю тебя за преданность, – голос Госпожи Матери звучал ровно, равнодушно. – Я обязательно передам моей сестре – Главной жене, что ты верная прислужница.

И все мы молча, один за другим – я позади Госпожи Матери – вернулись в наши покои. В этот вечер, хотя Хэ как обычно устроилась на ночь на пороге моей комнаты, я даже не стал просить ее поговорить со мной. Я думал о том, что сегодня произошло. Я хотел понять вещи, не доступные моему детскому пониманию.

Происходило что-то, что вызывало мое любопытство и одновременно пугало. Я знал, что Главная жена – самая главная. Но никогда никто не говорил мне, что она сестра Госпожи Матери. А если она сестра и говорит, что любит Госпожу Мать, то почему Госпожа Мать чего-то опасается... нет, скорее, боится ее¹⁵? И эти прислужницы, которые всюду ходят

¹⁵ Мать первенца-наследника, если им обоим удавалось дожить до этого, ста-

за нами, – зачем они? Нам они не нужны, нам и с Хэ очень даже хорошо.

Я думал еще о том, как бы мне попросить моего Покровителя – Дракона Воздуха – помочь нам. Я представлял, как он поднимает нас троих на своих огромных, прозрачных, блистающих крылах и уносит в по-настоящему прекрасную жизнь. Эти картины были так яркие, так реальны, что когда поутру я проснулся на своем ложе, в своей комнате, то от горечи разочарования и тоски по несбывшемуся разрыдался, разрыдался безутешно, бурно. Бедняжке Хэ с трудом удалось успокоить меня.

– Господин мой Ли, они приставят к вам других прислужников, если вы не перестанете плакать. Они накажут меня, потому что я плохо за вами ухаживаю, – только эти слова моей бедной Хэ, с трудом пробившиеся через обиду детского неприятия несоответствия мечты и действительности, слезливой жалости к себе, заставили меня подавить рыдания и постепенно успокоиться. Но в комнату уже вбежала одна из новых прислужниц.

– Что случилось? Ты посмела обидеть Господина?! – набросилась она на Хэ. Та, защищаясь, прикрыла двумя руками голову.

новилась Матерью Господина-Правителя со всей полнотой власти и влияния. Главная жена, если ей не удавалось родить младенца мужского пола, постепенно утрачивала власть и влияние. В случае неизлечимой болезни или смерти матери наследника она, как Главная жена и сестра последней, приобретала права опекуна, а затем официально признавалась матерью наследника.

Я подпрыгнул и изо всей силы вцепился в плохую женщину.

– Оставь ее! Ты не смеешь!! – вопил я.

Госпожа Мать и еще две прислужницы вбежали в комнату. Они с трудом разжали мои пальцы – в них остался клочок волос и кусочек ткани. Госпожа Мать обняла меня за трясущиеся плечи, зубы мои стучали, не позволяя успокоительной жидкости влиться в рот.

Наконец я немного успокоился. Госпожа Мать внимательно осмотрела меня.

– Что случилось, господин мой Ли?

– Мне, мне приснился страшный сон, – сам не знаю, как эти слова сорвались у меня с языка, – и Хэ утешала меня. А эта, эта... – я снова начал плакать и вздрагивать... – она была Хэ!!

В комнату стремительно вошла Главная Жена.

– Что здесь происходит? Кто посмел обидеть господина Ли? – она как-то очутилась между мной и Госпожой Матерью.

– Госпожа, сестра моя, – не одетая и не накрашенная Госпожа Мать была совсем маленькой и хрупкой рядом с великолепной Главной женой. И лицо ее, не защищенное маской краски лицо, отражало все владеющие ею чувства.

– Господину нашему Ли приснился страшный сон, – она бесстрашно смотрела на Главную жену, защищая меня маленьким легким телом. – Новая прислужница не поняла, что

Хэ утешает нашего Господина, и поднялся совсем ненужный неприличный шум. Я обещаю вам, любимая Сестра, во всем разобраться и наказать виновных. Я благодарна вам за вашу заботу о господине нашем Ли, – и она склонилась в поклоне, а потом, поставив меня перед собой, добавила: – И он тоже благодарен вам.

И я поклонился. Мне кажется, что Главная жена была чем-то недовольна, но она только посмотрела на нас и сказала:

– Очень надеюсь, что это больше не повторится – у господина нашего не будет причин сердиться. И ты, моя любимая сестра, примерно всех накажешь.

Главная жена в окружении прислужниц вышла из комнаты.

– Сейчас вы поможете мне одеться, – каким-то тусклым беззвучным голосом сказала Госпожа Мать, – а потом я определю вам наказание. Господин мой Ли, я думаю, что тебе уже принесли еду. Я желаю тебе хорошего дня.

И меня выпроводили в большую комнату, где важный прислужник уже суетился у столика, заставленного яствами. Мне совсем не хотелось есть. Наоборот, меня почти тошнило от вида и запаха еды, и, выпив немного супа, я отказался проглотить хоть что-то еще. Прислужник был недоволен мной. Но почему-то, я до конца не понимал, почему, не мог противиться мне, хотя я был мальчиком, а он совсем взрослым мужчиной с такими разными красивыми штучками на

поясе, и, молча поклонившись, retirовался.

Столик с едой убрали, и появившийся как по команде учитель после многочисленных поклонов и пожеланий попытался привлечь мое внимание к своему стучащему пальцу и разным премудростям приветствий. Но события сегодняшнего утра вызвали к жизни много вопросов и недоумений.

– Ты приставлен ко мне, чтобы все объяснять? – неожиданно для него обратился я к учителю.

– Да, господин мой, это мой долг, – гордо ответил он, почтительно кланаясь.

– А раз так, объясни мне, за что та женщина хотела бить Хэ, почему пришла Главная жена и зачем и как Госпожа Мать будет их наказывать??

Маленькая бородка учителя – я никогда не видел людей с волосами на лице, и сам же учитель объяснил мне, как это называется, и волею предков бывает только на лице мужчин, – легко затряслась, он закрыл глаза и с глубоким поклоном ответил мне, что есть вещи, не доступные его пониманию, и он никак не может ответить на вопросы господина, и предложил мне заняться написанием – я уже знал, для чего нужны эти смешные букашки. Я очень рассердился, я чувствовал, что учитель просто не хочет рассказывать мне и объяснять какие-то неизвестные взрослые дела, и даже почти закричал на него и затопал ногами – мне хотелось прогнать его, но в последний миг я уловил его взгляд! У этого старого человечка-учителя было то же выражение глаз, что

и у моей бедной Хэ! – они просили, они умоляли.

Я так и застыл с открытым ртом – ни один звук не вырвался из моего ставшего почему-то узким и сухим горла. Если я закричу на него, вдруг все соберутся, и Главная жена скажет Госпоже Матери, что господина Ли опять рассердили, и теперь она сама будет всех наказывать?! Может быть, накажут не только учителя, но и меня с Госпожой Матерью?!!

Учитель, видимо, что-то прочел в моих глазах, уловил, как изменилось мое лицо. Он молча прикрыл веками свои глубоко посаженные глаза. Я с трудом проглотил слюну.

– Ты прав, учитель, покажи мне буквы.

Пока в комнату не вошла одетая и накрашенная Госпожа Мать, учитель молча раскладывал передо мной буквы, а я молча смотрел на узоры забавных значков.

– Я восхищаюсь господином нашим, – сказал учитель, отвечая на вопрос Госпожи Матери, – он делает удивительные успехи, – и, низко-низко поклонившись нам, пятясь, вышел из комнаты.

Госпожа Мать улыбнулась мне грустными глазами.

– Я должна идти к Главной жене, – она чуть слышно вздохнула, – ты проведешь время в садике с Хэ. Будь благополучен, господин мой Ли!

На звук ее колокольчика вошли две разряженные прислужницы и, низко поклонившись мне, вышли вслед за Госпожой Матерью из комнаты. Мне не пришлось долго ждать. Как только дверь за ними закрылась, появилась Хэ. Я обра-

дованно кинулся к ней, но она только низко склонила голову.
– Идемте, мой господин.

Шла она как-то необычно – медленно, как будто с трудом переставляя свои коротенькие ножки. Ну, вот мы и добрались до садика. Все здесь радовало меня: и деревья, отягощенные спелыми плодами, и веселые птички, и зеленая трава, а главное, небо с белыми пышными облаками.

Не дожидаясь разрешения Хэ, я с размаху шлепнулся на траву – было так приятно покататься по зеленому пахучему ковру, а потом, перевернувшись на спину, вглядываться в непрерывно меняющиеся картины облаков: вот большой прекрасный дворец, я видел его на одном рисунке у учителя, он гордо плывет в ясном небе, теряя потихоньку то высокую крышу, то широкое крыльцо, незаметно из остатков крыши выросла большая важная птица с длинным, растворяющимся в высоте хвостом, а лестница? На ее месте заколыхалась целая роща веселых кудрявых деревьев. Где же дворец? Он распался. Разделился на две части – два огромных, страшных в своей ярости Единорога направили друг на друга отягощенные воздушной влагой рога! Ах!

Мое сердце замерло, затрепетало: «Как, кто победит в этом поединке равных?!». Но резкий неожиданный порыв ветра спутал, перемешал все картины. И теперь маленькие юркие лодочки да неизвестные мне зверюшки с длинными волнистыми шеями, с хвостами и бородами, с длинными ушами, короткими, длинными лапами весело гнались друг

за другом, быстро и незаметно превращаясь один в другого, теряя или приобретая лапы, головы, хвосты, уши.

Что же там, в вышине, происходит? Кто гонит, подгоняет их всех? Неужели? Да, конечно, это он, мой Покровитель! Вот позолоченное солнцем легкое прозрачное крыло, вот еще немного – и яркие горячие глаза посылают свои лучи прямо в мои широко распахнутые жаждущие глаза.

– Господин мой, проснитесь! Нельзя спать лицом к солнцу.

– Я не сплю, глупая, – я сел, стараясь в ярких блестящих кругах, слепящих мои глаза, различить Хэ. Наконец, моргнув несколько раз и вытерев неизвестно откуда взявшиеся слезы, я увидел ее странно перекошенную фигуру. – Я совсем не спал. Ты помешала мне. Вот-вот я бы увидел Его!

Хэ еще больше сжалась и опустила голову.

– Господин Ли простит меня?

– Ну, конечно, Хэ. Почему ты не подходишь ко мне? Сядь рядом, давай вместе разгадывать облака!

Хэ молча отрицательно покачала головой. Я подошел к ней, хотел взять за руку, заглянуть в добрые глаза. Хэ отняла руку, отвела взгляд.

– Что случилось? Ты не хочешь разговаривать? Тебя кто-то обидел? – она еще ниже опустила голову, по ее щеке ползла слеза.

– Не может быть!! Кто посмел тебя обидеть?! Почему ты не скажешь Госпоже Матери? Она вступится за тебя!

Я думал, что нельзя ниже опустить голову, но Хэ как-то так спрятала свое лицо между высоко поднятых плеч, что я совсем не мог разглядеть его...

– Конечно, сейчас же пойдём к ней, – я тянул Хэ за полу одежды. – Мы ей все расскажем, никто не посмеет обидеть тебя.

– Милый мой мальчик, – Хэ назвала меня, как давно, в той старой не прекрасной жизни, – никуда не надо идти. Госпожа все знает. Нас с прислужницей наказали по ее приказу.

– Ты врешь! – я отдернул руку. – Ты специально врешь! Ты думаешь, что если она мучила птичек, я поверю, что она приказала наказать тебя?! О!! – я сжал кулаки. – Я сейчас сам побью тебя, противная, противная Хэ!

Но я не стал бить ее, вместо этого я прижался лицом к ее большому мягкому животу, уцепился руками за простую, как-то по-особому пахнущую одежду. Мы оба плакали. Не знаю, почему, но я верил ей. Верил, что Госпожа Мать приказала наказать ее.

– Но почему, почему? Ведь ты не виновата, – спрашивал и спрашивал я, заглядывая в лицо Хэ, ища ответа в ее глазах.

– Не сердись на Госпожу, – сказала Хэ, – она не виновата. Это все из-за Главной жены, – я не мог, понять как наказание моей доброй нянюшки связано с Главной женой.

– Если бы наказали только прислужницу, Главная жена придралась бы к нашей Госпоже, сказала бы, что та не умеет, не знает, как надо управлять, а меня бы наказали, только еще

сильнее. Я сама попросила Госпожу, чтобы меня тоже наказали. Она не хотела, – посмотри на меня, – она не хотела! Я очень и очень просила. Это так.

– Я люблю тебя, Хэ. И никогда, никогда, все равно никогда, ни за что не прикажу, чтобы тебя наказали.

– Да, мой милый господин Ли, – Хэ вытерла мне лицо, – успокойся, посидим здесь еще немного, будет совсем нехорошо, если увидят, что ты плакал.

И мы вернулись. И стали жить дальше. Конечно, было бы лучше, если бы этих новых прислужниц совсем не было. Но они были. Всегда и всюду. Одна из них то сидела в уголке комнаты, когда я ел или занимался с учителем, и притворялась, я знаю, что притворялась, что рукодельничает, или ходила взад и вперед по садику, где мы гуляли с Хэ – она прогуливала любимую собачку Главной жены, будто бы у той не было своего сада. Они ни на шаг не отходили от Госпожи Матери, ни на миг не оставляли ее наедине со мной или с Хэ. Но все равно жить было очень интересно.

Учитель, хоть он и продолжал пугать меня и птицу стучащим пальцем и все время кланялся и за все хвалил меня, знал очень много интересных историй. Он, конечно, хотел, чтобы я побольше учил буквы, или то, как подобает вести себя во всяких важных случаях, или как различать чиновников правой и левой стороны¹⁶, но я знал теперь, что он

¹⁶ Все должностные лица при дворе делились на левую и правую сторону. Чиновники становились на приемах каждый на свое место слева или справа от

больше всего боится, что я начну плакать или кричать, и, как только мне надоедали важные уроки, а он не сразу соглашался рассказать мне что-нибудь о великих войнах предков или о том, как священные Драконы поделили между собой Жизнь и Землю, я делал вид, что собираюсь расплакаться, и он (теперь я думаю, что он знал, что я притворяюсь, но боялся это проверить), он поднимал кверху свои сухонькие ручки и, укоризненно покачав головой, спрашивал, о чем господин его Ли хотел бы услышать сегодня.

Он знал гораздо, гораздо больше историй, чем Хэ, и хоть не умел рассказывать их так, как она, передавая голосом и повадками то рык Белого тигра, то прыжки грациозной Линь (когда рассказывала Хэ, я даже чувствовал, как крылья Дракона Воздуха охлаждают мои горячие от возбуждения щеки), но и его сыпучий голос, если вслушаться, если привыкнуть к нему, мог увести далеко, далеко – туда, за Звездную Реку, где души предков в праздной радости наблюдают за нами, или в мрачное созвездие теней, принявшее души неприкаянных путников, или в грозное тройное созвездие – созвездие черных всадников, увенчанное Звездой Огня. Потом, в ясные вечера и безоблачные ночи, было очень интересно искать и находить на темном полотне неба среди бесчисленной россыпи звезд и звездочек уже знакомые по рассказам созвездия и звезды.

Мне хотелось бы, конечно, увидеть и Звезду Зари, но для

этого надо было выйти с учителем очень, очень рано утром, еще до рассвета, а этого Госпожа Мать никак не могла разрешить. И так мне пришлось очень долго уговаривать ее, чтобы учитель иногда выходил со мной учить звезды, ведь мне было положено знать и это! В конце концов она согласилась, но распоряжение, к сожалению, исходило не от нее, это Главная жена позволила учителю проводить со мной звездные вечера, это она была за каждой съеденной мной крошкой еды, за новой одеждой, за учением и за забавами.

Госпожа Мать все меньше и меньше времени проводила с нами, со мной. Постоянно она была нужна Главной жене, должна была принимать участие в ее жертвоприношениях, в ее пирах, в ее развлечениях. Иногда неделями, месяцами я не видел ее, а когда мы изредка встречались, я с ужасом замечал, как даже под плотной маской краски меняется ее лицо, каким маленьким и хрупким становится тело, как трескается и рвется голосок.

– Ты растешь, становишься большим, мой добрый господин Ли, – успокаивала меня Хэ, – а Госпожа наша остается такой, как была.

Но однажды, когда Госпожа Мать целую неделю не покидала свою комнату и взволнованные прислужницы со значительными лицами, не переставая, сновали между нашими Восточными покоем и покоем Главной жены, Хэ улучила минутку, когда мы остались в садике одни.

– Добрый мой господин Ли, – она подняла на меня полные

слез глаза – я был выше ее уже на целую голову, – бедный мой Ли, я обещала Госпоже Матери, что никогда не покину тебя – я готова повторить свои клятвы.

– В чем дело, Хэ? Что случилось? Я вижу, что что-то нехорошее, но мне ничего не говорят. Расскажи мне, добрая Хэ, – я был очень встревожен и поведением прислужниц, и молчанием учителя – несмотря на все мои попытки заставить его говорить, он хранил молчание.

– Господин мой Ли, мне нечего рассказать вам, а если бы даже я и знал что-то, я не посмел бы раскрыть рта, – только и сказал он, и в этот раз палец его не стучал по лакированному, покрытому трещинами хвосту птицы – он спрятал руки глубоко в широких рукавах одежды.

– Хэ, Хэ, – подбадривал я свою старенькую няньку, – здесь никого нет. Ты можешь, ты должна мне рассказать.

Она обвела сухими воспаленными глазами стену садика и отошла, и я вслед за ней, как можно дальше, к раскидистому корявому грушевому дереву. Говорила она очень тихо, короткими ясными фразами. Я никогда не слышал, чтобы она так говорила, и не подозревал, что она умеет так говорить. Я навсегда запомнил эти ее несколько фраз:

– Госпожа Мать очень больна. Она приложит все силы, чтобы дожить до завтра. Она сделает все, чтобы сохранить твою жизнь на завтрашнем празднике. Завтра начинается год Дракона Воздуха – твой Год.

IV

Завтра уже наступило – сегодня начинается мой год – год Дракона Воздуха¹⁷.

Я лежал, всматриваясь в предрассветную тьму. Темная в темном проеме двери холмиком фигурка спящей Хэ и пронзительная настороженная тишина.

Вчера я долго мучительно думал, стараясь понять смысл ясных слов Хэ. Мне очень хотелось увидеть Госпожу Мать, даже не спросить ее, а просто увидеть, заглянуть в глаза, но она так и не вышла из своей комнаты.

И было тихо, совсем непривычно тихо. Даже прислужницы, как это повелось в последнее время, не сновали с непонятными мне лицами из наших покоев в покои Главной жены. Я не знал, могу ли спросить, что происходит, да и у кого? Несмотря на ее сладкие слова и почтение, я больше всех боялся Главной жены, а кроме нее, кто мог бы ответить на мои вопросы? Но Хэ не казалась особенно встревоженной, и, немного приободренный ее скупой улыбкой и легким прикосновением пухлой руки, я отправился спать.

Долго-долго ворочался я на своем удобном ложе, думая о Госпоже Матери, о себе, о словах глупой Хэ, ведь только неумный человек мог придумать, что Госпожа Мать очень

¹⁷ В цикле из двенадцати лет каждый год имел свое название и своего доминирующего покровителя.

больна, о годе Дракона Воздуха, о том, что ждет меня в этом особенном году.

Сгустившаяся вокруг меня темнота время от времени вспыхивала горящими, красными, смотрящими на меня со всех сторон глазами. Огромная, невообразимая тяжесть придавила мою грудь. И я испугался: не было сил приподняться, отяжелевшие руки стали мокрыми, похолодевший лоб покрылся испариной, не хватало воздуха. Я только пытался сохранить ту каплю разума, что трепещущей птичкой билась в моей голове.

Незаметно, как-то совсем незаметно и просто тьма, а вместе с ней и тяжесть отступили, улетучились, растаяли, как исчезают, растеряв свою силу, темные грозовые облака и им на смену в сверкающей чистоте неба приходят легкие, тающие в своей свежести веселые облачка. Я вдыхал блестящий, наполненный необыкновенным ароматом воздух, он пах, как пахнет после большой грозы, когда в небе в ожесточенной схватке мечут друг в друга огненные стрелы разгневанные Драконы. Я с опаской приближался к горе из прозрачных, отливающих золотым багрянцем облаков. Чем ближе я подходил, тем яснее различал голову, увенчанную чем-то наподобие короны, крупные сильные лапы, крылья, прижатые к неподвижному телу, мощный хвост, увенчанный шипами. Я внутри догадывался, кто это, но боялся даже самому себе признаться. Я был уже достаточно близко – не мог видеть всего огромного тела, когда он открыл свои прекрасные гла-

за. Если бы я мог осмелиться, я бы сказал, что в его взгляде, в его глазах я увидел, почувствовал любящие глаза Госпожи Матери и Хэ. Но это именно так и было! В его бездонных, проникающих во все уголки души и тела глазах было столько любви, сострадания и понимания!! Рыдания против воли потрясли мое тело. Я очутился в кольце огромных лап-рук. Мягкие и сильные, прозрачные и надежные, они успокаивали, укачивали меня. «Я буду с тобой на светлой дороге жизни», – звучал в душе непередаваемо любимый голос.

«Неужели я спал?» – подумалось мне в предрассветном сумраке комнаты. Как странно... Сколько раз я так просил, так хотел увидеть Его... И именно сегодня... Ах, да, ведь сегодня начинается Его год. И Он пообещал быть всегда со мной. Мне стало легко и радостно. Теперь я знал, я был совершенно уверен: что бы ни говорила Хэ, все у меня будет хорошо.

Вставать не хотелось. Пока Хэ с новыми роскошными одеждами не подошла будить меня, я одну за другой мысленно рисовал себе увлекательные картины своего славного будущего. Одежда и на самом деле была роскошная – мне ведь сегодня исполнялось двенадцать лет! – и вместо простых детских вещей я одевался в почти взрослый наряд с черной вышитой драконами юбкой, багровыми наколенниками и такого же цвета увенчанной нефритом шапочкой. Мои глаза искали признаки одобрения на невыразительном лице Хэ. Наконец она оглядела меня с ног до головы.

– Вы прекрасны, любимый мой господин Ли! – восхищенно сказала моя добрая Хэ! И я не удержался и крепко обнял ее.

– Никогда так больше не делайте, – только и успела тихо сказать она, высвобождаясь из моих объятий, как в комнату вошла Главная жена.

– Наш любимый господин Ли! – она поклонилась мне почтительным поклоном!! – Вам к лицу ваши новые одежды! Надеюсь, они нравятся вам. Я стремилась и всегда буду делать все, чтобы вы были довольны!

Так вот от кого я получил эту новую одежду! Шапочка обручем сжала голову, ворот курточки душил меня. Я почти-точно поклонился и пробормотал положенные слова благодарности (Учитель не зря испортил своим стучащим пальцем хвост гордой птицы!). Главная жена произнесла еще несколько пустых фраз и, надменно шурша одеждой, вышла из комнаты.

– Я ее не звал! Я не просил у нее одежды! – мои пальцы рвали застёжки курточки, ноги топтали изящную шапочку.

– Тише, тише, успокойтесь, – Хэ оттолкнула меня и подхватила с пола не до конца испорченную мной шапочку. От ее неожиданного толчка я отлетел в сторону и, больно ударившись спиной о стену, уселся на пол. В комнату вбежала одна из прислужниц Госпожи Матери. Ее быстрые глаза рыскали по сторонам.

– Что здесь опять происходит? – Хэ молча поклонилась

ей, почтительно держа мою шапочку на вытянутых руках. Я был страшно зол.

– Кто здесь думает, что я должен отвечать ему??! – заорал я что было мочи.

Неведомая сила подняла меня на ноги, и я подскочил к прислужнице. Твердый, предостерегающий, молящий взгляд Хэ, сжавшееся в комок страха тело прислужницы.

– Дай мне попить, – я отступил в сторону. Поддрагивающая рука Хэ влила в мой сведенный рот успокаивающий настой.

– Зачем ты пришла? Поднимись, – обратился я к распластавшейся на полу женщине. Та медленно, боязливо поднялась – страх сковывал ее движения, мешал говорить.

– Кто тебя послал? Отвечай! – она искоса быстро посмотрела на меня и вновь склонилась в почтительном поклоне.

– Госпожа прислала меня предупредить, чтобы Господин был готов к великому Празднику. Госпожа просит господина сопровождать ее сегодня на Праздник.

– Ага! – я оглянулся на Хэ – А ты говорила – очень больна! Передай Госпоже, что я буду готов к нужному времени. Можешь идти!

Первый раз я видел, как по моему приказу кто-то, пятясь, выходит из комнаты! Но не это обрадовало меня, покрыло краской довольства лицо.

– Слышала, – уже вслух обратился я к Хэ, – Госпожа Мать собирается пойти со мной на праздник! Значит, она хорошо себя чувствует!

Хэ молчала, все так же почтительно держа в руках шапочку.

– Давай же, давай подготовимся, как следует! Я не хочу этой одежды. Найди мне другую!

Хэ подошла ко мне совсем близко. Говорила она тихо, почти шепотом, вряд ли кто-то за пределами комнаты мог слышать ее:

– У нас нет для вас другой такой же богатой праздничной одежды. У нас вообще ничего нет. Всем распоряжается Главная жена. Нашей Госпоже будут пенять, если вы появитесь на Празднике в неподобающем вашему возрасту и положению виде. Хорошенько подумайте.

Старые одежды еще тут. Я с сомнением смотрел на свои детские вещи. Хэ права, тяжело вздохнул я, как и ни противно, но выхода нет, придется идти во всем этом. Ощущение довольства от удобной красивой одежды исчезло. Мне все жало, давило. Яркие расцветки, пышные узоры – как может это нравиться?!

– И вот еще что, господин Ли, – Хэ без слов поняла мое решение, – вы плохо обошлись с камнем, это очень нехорошо, – она протянула мне шапочку.

Я в растерянности переводил взгляд с небольшого почти прозрачного нефрита на ее озабоченное лицо.

– До праздника еще есть время, – и она вложила шапочку мне в руку.

Я остался один. Солнце уже, видимо, повернуло на закат,

и в комнате было сумрачно, как и в моей душе. Хоть мне и не разрешали, но все были заняты приготовлениями к Празднику, и я, первый раз один, пошел в садик. Вот где было светло и радостно! Усеянные крупными светлыми цветами ветви груши окружало облако сладкого аромата, чуть подальше, соревнуясь с грушей белизной и ароматом цветов, изящное сливовое дерево приветствовало меня трепетом ветвей. Это дерево посадили мы с Госпожой Матерью в первый год, когда перебрались в Восточные покои. Я любил ухаживать за ним и, наверное, неслучайно подошел к нему сейчас – мне хотелось показать нефриту, что я не такой уж плохой и злой, и надеялся, что, когда я расскажу историю сливового дерева, а заодно и свою, и объясню, почему я так рассердился, нефрит поймет меня. И еще от всего сердца я попросил у Господина Камня снисходительно простить меня.

Через густой узор ароматных цветов пробился луч предзакатного солнца. Он упал на нефрит и пропал, растворился в его прозрачной, как спелый крыжовник, зелени. Господин Камень ответил на мои слова теплым дружелюбным блеском. И снова, как после встречи с моим Покровителем, легко и спокойно стало у меня на душе.

Я еще немножко побродил по садику, здороваясь и разговаривая с цветами и деревьями.

– Пусть, пусть нефрит увидит (теперь он вместе с шапочкой гордо покоился у меня на голове и, конечно, сверху ему все хорошо видно), что у меня на самом деле много разных

друзей.

Встревоженная Хэ крепко схватила меня за руку. Как она умеет так неслышно ходить?

– Господин мой!

– Ой, Хэ, не ругайся. Господин Камень простил меня!

– Госпожа наша ждет тебя. Пора на Праздник.

Я никогда еще не видел Госпожу Мать такой красивой!

– Быстрее, – сказала она, как только мы с Хэ появились на пороге. Из ее комнаты слышались какие-то странные звуки.

– Быстрее, быстрее, – Госпожа Мать стремительно шла вперед. Низкие, высокие двери, запутанные переходы – все и вся расступались, уступая ей дорогу. Вдруг мы остановились перед вооруженным, облаченным в доспехи воином. Госпожа Мать поднесла свою ладонь к самому его лицу. Воин по-прежнему стоял неподвижно с высоко поднятой головой. Госпожа Мать выхватила мою руку из руки Хэ и резко поставила меня перед собой. Свет от фонаря, висевшего над головой воина, упал на нефрит, венчавший мою шапочку. Глаза на неподвижном лице воина переместились с Камня на руку Госпожи Матери – на ее ладони, теперь и я это видел, лежала яшма, нежно поблескивая в отраженном свете нефрита¹⁸.

Воин сделал шаг в сторону – я никогда не заметил бы эту

¹⁸ *Нефрит – символ чистоты и высокого общественного положения. Существовало представление о силе камней. Им приписывалось магическое влияние на судьбу человека. Яшма, как и нефрит, – один из священных камней, являлась свидетельством высокого положения в обществе.*

маленькую дверцу, которую он так верно охранял. Дверка беззвучно поддалась под легкой рукой Госпожи Матери, и мы прошли под низким сводом.

Мы стояли на возвышении в огромной ярко освещенной комнате. Высокая спинка престола скрывала нас от спящих по комнате людей. Мы приникли к смотровым отверстиям – они были по всей длине спинки и на разной высоте, каждый из нас мог все видеть, а Госпожа Мать и Хэ, меняя места, еще и обменивались краткими тихими восклицаниями. Я же не мог оторваться от удобного мне отверстия.

Как интересно было все, что происходило в комнате!! Прислужники зажигали цветные фонарики, устанавливали скамьи, расстилали красивые ткани, курили благовония. Вот все, видимо, было готово, и они исчезли где-то под возвышением. Мне не было видно, куда они ушли. Открылись двери по обе стороны комнаты, и одетые в дорогие одежды люди стали входить в комнату. Они медленно двигались, тихо переговариваясь между собой. Комната наполнилась шелестящим шумом – голоса и шуршание одежды смутным облаком поднимались над переливающейся, блестящей яркими красками толпой.

Собравшиеся как будто чего-то ждали. И слышались далекие, приближающиеся и нарастающие звуки торжественной музыки – высокие двери прямо перед помостом распахнулись: два воина, вооруженные точно так же, как и тот, пропустивший нас сюда, но одетые гораздо богаче, стали

по обеим сторонам двери, люди, беспорядочно сновавшие по комнате, мгновенно образовали живой коридор между престолом и дверью.

Что было дальше, я мог только слышать – Госпожа Мать отозвала меня от смотрового отверстия и, крепко взяв за руку, встала у края спинки престола. Она даже не пыталась заглянуть в комнату – ее напряженный взгляд не отрывался от руки Хэ.

До нас доносились звуки мерного торжественного приближения нескольких людей в сопровождении волны приветствий. Послышались тяжелые властные шаги – кто-то поднимался по ступеням престола. Хэ резко махнула рукой. Госпожа Мать, увлекая меня за собой, быстро вышла из-за спинки престола.

Огромная комната, заполненная светом и склонившимися в низком поклоне яркими фигурами, на мгновение ослепила меня, но тут же мои глаза приковал к себе взгляд человека, единственного, кроме нас с Госпожой Матерью, кто стоял, выпрямившись, в этой замершей в почтительной тишине комнате.

Он поочередно рассматривал нас с Госпожой Матерью. И под его взглядом Госпожа Мать медленно склонилась в глубоком поклоне. Я по-прежнему не выпускал ее руки, но никакого страха или желания поклониться не чувствовал. Мне казалось, что я помнил эти глаза, этого человека – он однажды приходил к нам туда, в нашу маленькую комнату. Мне

казалось, что он долго смотрел на меня, на самом деле прошло, вероятно, не более нескольких быстрых мгновений – никто из склонившихся в низком поклоне даже не пошевелился.

Наконец он улыбнулся, растянув в улыбке узкие губы. Какой-то тихий звук достиг слуха Госпожи Матери, она распрямилась и встала около престола. Господин, одетый в большие тяжелые одежды, быстро и ловко уселся на престоле, с правой стороны от него на месте с более низкой спинкой устроилась Госпожа Мать¹⁹, меня Господин поставил между собой и нею и положил руку мне на плечо. Человек с жезлом в руке, – оказывается, он да еще воины – стража у дверей – не склонились в поклоне, и внимательно наблюдал за происходящим, – поймав взгляд Господина, стукнул о помост украшенным колокольчиком жезлом.

А-ах! Все поднялись, расправили спины, все глаза обратились к престолу, к Господину, все глаза удивленно остановились на Госпоже Матери, на мне.

Среди всеобщего изумленного молчания раздался какой-то сдавленный звук. В группе стоящих прямо перед престолом людей произошло смутное движение, и все снова замерло. Человек снова стукнул о помост жезлом. Стоящие перед престолом люди (это были женщины, предводительству-

¹⁹ Престол – большое кресло с высокой спинкой. Устанавливалось на возвышении. На нем восседал правитель во время торжественных церемоний, приемов, праздников. Справа от престола устанавливали кресло для Главной жены правителя.

емые Главной женой), низко потупив головы, поднялись на несколько ступеней престола и расположились у наших ног.

Снова раздался стук жезла и звон колокольчиков. Люди в комнате расступились, образуя большой широкий круг. Под звуки веселой музыки появились танцоры. Украшенные перьями белой цапли, в блестящих одеждах, они кружились и кричали, вертелись на месте, легкими движениями рук и плеч стремясь скопировать движения размашистых птичьих крыльев. За ними явились танцоры, пытавшиеся изобразить, повторить движения Священного Дракона Воздуха. Несколько человек несли огромную страшную маску – так они, несчастные, представляли голову моего Покровителя. Еще десять человек несли над собой полотнище, изображающее тело Дракона. С двух сторон от полотнища-тела люди держали на специальных палочках легкие полотнища, долженствующие изображать крылья Дракона. Все они двигались в такт, плавно поворачиваясь и создавая иллюзию медленного движения чуть извивающегося тела Дракона, время от времени красиво поднимавшего и расправлявшего огромные крылья²⁰.

Для тех, кто не знал, кто никогда не видел настоящего Дракона, это, наверное, выглядело очень красиво, но мне было неприятно, стыдно смотреть на это жалкое подобие моего

²⁰ Праздничные танцы – во время празднеств, посвященных наступлению очередного циклического года, в ритуальных танцах изображался покровитель года, прославлялись воинские доблести правителя.

Покровителя. Как они вообще набрались смелости изображать Его?! Я отвернулся. Мне не хотелось на это смотреть! Что-то неожиданно толкнулось мне в колени – я давно уже сидел на услужливо подставленной кем-то маленькой скамеечке у ног Господина, – из широко раскрытого рта страшной маски мне на юбку выкатился большой, до блеска отполированный камень.

– Прими его и поблагодари своего Покровителя, – донесся до меня чуть слышный голос Господина (он умел разговаривать, не разжимая губ!).

Я повиновался. Высоко поднял камень над головой, а потом, прижав к сердцу, поклонился этой противной маске, представляя перед собой своего Настоящего Покровителя. По комнате пронесся восхищенный шум.

Вперед вышел человек с жезлом, его мощный голос сотряс стены комнаты:

– Слава Молодому Господину Ван Ли!

Десятки колокольчиков и трещоток отозвались на его слова со всех концов комнаты. Люди внизу перед помостом вновь низко склонились, почти касаясь головами пола. Танцоры, изображавшие Дракона, скользнули за престол. Они, наверное, вышли в ту маленькую потайную дверцу. Я, повинувшись едва слышной команде, снова сел. Но теперь подомной было маленькое подобие престола с высокой спинкой, которая почти совсем скрывала Госпожу Мать.

Под звуки нежного пересвиста дудочек в комнату, как

журчащие ручейки, вошли танцорки. У каждой была маленькая трещотка и красивый яркий веер. Копируя трепет мотыльков движениями вееров, они своими телами сплетали разные красивые узоры, пока их крылышки-веера не сложились в четком написании имени Дракона Воздуха! Это было очень красиво! Я даже привстал со своего места, чтобы лучше рассмотреть, – так это было здорово! Все танцорки склонились в низком поклоне.

Только одна продолжала стоять – в ее высоко поднятых руках плескались, двигались в такт колокольчикам два больших веера. Девочка, а я только сейчас понял, что танцорки не были взрослыми женщинами, смело и открыто смотрела прямо на меня! В ее взгляде было столько любопытства, интереса. Она как бы спрашивала:

– Кто ты? Что ты? Почему все склонились перед тобой? Почему мы танцуем для тебя?

Не знаю, что она поняла, прочла в моих глазах в тот краткий миг, когда наши глаза встретились, но вот и она прикрыла лицо крылышками веера и вместе с остальными танцорками-ручейками выскользнула из комнаты. И я не мог различить ее среди остальных девочек.

Теперь я совсем мало обращал внимание на то, что происходило вокруг меня. Были еще танцоры-мужчины с воинственными танцами под звуки потрясающих воздух гонгов и глухое уханье больших барабанов. Танцевали и взрослые женщины... Но я уже не наслаждался, как раньше, ни кра-

сивыми костюмами, ни замысловатыми движениями.

Госпожа Мать подумала, что я устал.

– Потерпи еще немного, мой дорогой, – шепнула она мне, близко-близко наклоняясь к спинке моего престола.

Но мне не терпелось уйти из этой яркой комнаты, хотелось подумать о девочке, расспросить о ней Хэ. Но музыка продолжала греметь изо всех углов, собравшиеся в комнате восхищенно прищелкивали языками, хлопали в ладоши. Наконец-то и рядом со мной что-то начало изменяться. Под мерные удары жезла Господин и следом за ним мы с Госпожой Матерью начали спускаться с возвышения. По обе стороны образованного придворными коридора выстроились стражники со скрещенными тройными копьями²¹, и мы шли по блестящему металлу коридору. Как только Госпожа Мать, а она шла последней, проходила мимо стражников, они парами следовали вслед за нами.

За плотно закрытыми дверями комнаты мы разделились. Стража тесным кольцом окружила Господина, а мы с Госпожой Матерью, сопровождаемые несколькими воинами, отправились в свое Восточное крыло. Госпожа Мать шла медленно, с трудом переставляя свои маленькие ножки. Она тяжело опиралась на мою руку – я теперь был на голову выше ее.

– Ничего, ничего, – шептала она, – еще завтра я выдержу.

Стражники встали по обе стороны двери, ведущей в наши

²¹ *Тройное копьё – трезубец, копьё с тремя остриями.*

покои. Хэ подхватила осевшую на ее руках Госпожу Мать, и под злобными взглядами прислужниц они скрылись в комнате Госпожи Матери. Я же, не дожидаясь, пока прислужницы обратят на меня свое несносное внимание, юркнул к себе в комнату.

Столько всего произошло в этот день, в этот вечер! Сколько было у меня вопросов!! Не все я понял, о стольком хотелось спросить! Но главное – эта девочка! Я никогда не видел такого лица, никогда не испытывал того, что чувствовал сейчас. Я снял шапочку, парадную юбку, завернул в нее нефрит, полученный на празднике. Эти вещи такие красивые, такие важные, они не были моими, они смущали меня, рядом с ними мне казалось стыдным думать свои простые маленькие мысли. Я аккуратно положил их в дальнем конце комнаты.

Было уже очень поздно. Свет тонкого, как волос, молодого месяца не мог рассеять легкие тени, в причудливом танце скользившие по комнате. Среди них нет-нет да блеснет мне вопрошающий взгляд девочки, сладким цветением деревьев донесется ветерок ее веера.

И раньше я видел девочек. У Главной жены было две дочки. Они были старше меня, и их одевали и красили как знатных женщин. Я никогда не разговаривал с ними – в те редкие разы, когда мы встречались, я очень смущался: они были такие важные, а они с презрением смотрели на меня, не проявляя никакого желания познакомиться или поговорить. Были еще разные девочки, которых я видел мельком в запу-

таннных коридорах дворца. Но такой девочки я еще не видел. Я не мог понять, что в ней такого особенного. Просто какое-то странное сладкое чувство сжимало мое сердце, мне хотелось бежать, сражаться и защищать ее. Ее взгляд, ее глаза, они были похожи на изливающиеся любовью глаза Госпожи Матери, но я чувствовал, я не мог рассказать даже самому себе это чувство, что если бы она, эта девочка, позвала меня, нет, даже не позвала, сказала полслова, приветливо улыбнулась, я бы пошел, ушел за ней, и никто и ничто в мире не остановило бы меня. Я забылся тяжелым, мучительным, темным сном.

Хэ стояла у моего изголовья.

– Великий Господин совершает сегодня Жертвоприношение предкам²². Вам, господин наш Ван Ли, положено сопровождать его, – я посмотрел в осунувшееся, похудевшее лицо Хэ. Не было смысла что-то спрашивать или что-то говорить.

Сейчас она ничего не скажет, не ответит. Хэ помогла мне привести себя в порядок, поправила на голове шапочку. Я взял Большой Камень, полученный на Празднике, подобает взять его с собой? Что вообще с ним делать?

– Не беспокойся, я его надежно спрячу, – Хэ почтительно вынула Камень из моих рук, отвечая на невысказанный вопрос.

У дверей меня ждала вооруженная стража. Я с испугом

²² Жертвоприношения предкам – четыре раза в году: весной, летом, осенью и зимой, – правитель приносил дары предкам.

оглянулся на няньку.

– Не бойся! – говорил ее твердый взгляд. Я гордо выпрямился, и по бесчисленным переходам мы вышли из дворца. Первый раз в жизни я покидал это огромное здание. Если бы у меня были на это силы, и то я не смог бы ничего рассмотреть из-за плотной стены вооруженных стражников, стоявших по обе стороны прекрасной материи, по которой я шел. Но сил у меня хватало только на то, чтобы не бояться и пройти с гордо поднятой головой те несколько шагов, что отделяли Дворец от Храма предков.

У ворот Храма меня встретила родня²³, и вместе с ними на храмовом дворе я остался ждать прибытия Великого Господина. Ворота распахнулись еще шире, и сопровождаемые блестящей свитой придворных величественные носилки с Господином вплыли во двор и остановились у дверей Храма.

По знаку Главного советника я присоединился к Великому Господину, идя на шаг позади него. Все почтительно приблизились к Заместителю²⁴, восседавшему на почетном месте. Послышались звуки музыки, и стоящая за нами почтительная толпа родных и сановников начала петь гимны, прославляющие предков, прося у них быть благосклонными и

²³ Родня – родственники по отцу, носящие одно с Господином родовое имя.

²⁴ Заместитель – лицо, определяемое гаданием и происходящее из одного рода с приносящим жертву. Заместитель представляет дух предков. Его сажают на почетное место и воздают ему почести как предку.

принять положенные жертвы.

На яшмовом скипетре, который сжимал Великий Господин, в глубокой чаше покоились части жертвенных животных²⁵. Один из сановников правой стороны с низким поклоном передал чашу Заместителю, и тот важно и серьезно принял ее. Пение не прекращалось ни на минуту. Теперь к прославлению предков прибавились и гимны, прославляющие мудрость и силу Великого Господина, и просьбы к Предкам помогать ему на длинной дороге жизни²⁶.

В Храме не было окон – он освещался многочисленными фонарями, подвешенными по сторонам кровли, и поэтому, когда они один за другим начали гаснуть – сначала над почетным местом, где сидел Заместитель, а потом по обе стороны от него, постепенно приближаясь к двери, – в наступившей почти непроглядной темноте только Великий Господин блистал в непонятно откуда падающем свете.

Собравшиеся медленно, продолжая петь торжественные гимны, прославляющие мудрость предков и силу Великого Господина, возглавляемые им, вышли на залитый весенним солнцем двор Храма. Все невольно замерли и зажмурились от яркого света дня. Главный советник подошел ко мне.

– Господин наш Ван Ли, – он склонился передо мной в

²⁵ Жертвенные животные – одномастные, с правильно поставленными рогами и т. д.

²⁶ Торжественные церемонии в храме предков сопровождалась пением специальных песен и гимнов.

низком поклоне, – Великий Господин наш повелевает вам вернуться в Восточные покои.

Медленно и торжественно Великий Господин со свитой проследовали мимо меня. И только когда стихли шаги последнего воина охраны, я в сопровождении нескольких стражников вернулся во Дворец.

Как будто я вовсе и не уходил. Хэ по-прежнему сидела в моей комнате, сложив руки на своем толстом животе, прислужницы суетливо сновали из двери в дверь, бросая на меня тревожные любопытные взгляды.

– Тебя не взяли на Пир²⁷, – Хэ не удивлялась, она просто сказала то, что видела.

– Ты думаешь, что это плохо? Как Госпожа Мать?

– Дети в твоём возрасте не бывают на Пирах. Ты удостоился большой чести – участвовать в Жертвоприношении предкам...

Больше она ничего не успела сказать, да и собиралась ли?.. В комнату внесли столик, уставленный яствами, и вошел чиновник, который всегда прислуживал мне при еде. Неужели со вчерашнего дня я ничего не ел? Да, только сейчас я почувствовал, как голоден, даже живот свело, но спокойно, стараясь не торопиться и не уронить своего достоинства, принялся за еду.

Ел я долго, ни о чем и ни о ком не думая, только насыщая

²⁷ На торжественный пир после жертвоприношения предкам приглашалась вся родня и все знатные советники, принимавшие участие в церемонии.

свой ставший бездонным живот и успокаивая свои жадные глаза. Наконец под удивленным взглядом чиновника (всегда я ел гораздо меньше) я сказал, что наелся, и остатки еды быстро вынесли из комнаты.

Совсем как в обычный день пришел учитель и, низко-низко склонившись передо мной, пожелал благоденствия и выразил восхищение моим нарядом. Мне было неинтересно слушать его пустые слова. О многом, важном, непонятном хотелось спросить.

– Ну, достаточно! – я только посмотрел на него. Учитель понял без слов. Мы уселись за наш учебный столик.

– Говори, – обратился я к учителю. Стучащий палец еще быстрее запрыгал по лаковой поверхности, не жалея даже головы обиженной птицы.

– Вы удостоились великой чести, сиятельный господин мой Ван Ли, – палец не переставал стучать. – Мы преклоняемся перед мудростью Великого Господина. Все его деяния благословенны.

Я ждал от него каких-то объяснений тому, что произошло вчера и сегодня. Я был уверен, что его знания во многом помогут мне разобраться, понять. Чем больше превозносили меня и преклонялись передо мной окружающие, чем меньше видел я Госпожу Мать и Хэ, тем неувереннее я себя чувствовал, тем сильнее боялся. А учитель продолжал говорить ни о чем. Неужели он не понимает, не хочет помочь мне?.. Я укоризненно посмотрел на него и встретился с предосте-

регающим взглядом всегда полуприкрытых тяжелыми веками глаз. Стук пальца прекратился. За дверью явно слышался шум многочисленных шагов. Я резко обернулся и поднялся.

Главный советник в окружении воинов охраны вошел в комнату. Учитель низко склонился, почти распростерся на полу. Главный советник почтительно поклонился мне.

– Наш Великий Господин в своей всеобъемлющей милости направляет юного Господина Ван Ли в Школу. Он повелевает отправиться завтра.

Я принял свиток с приказом в свои дрожащие руки. Школа?! Я отправляюсь в Школу.

V

Школа?! Я отправляюсь в Школу²⁸!!

Шаги Главного советника давно уже стихли, учитель вынул свиток из моих рук, а я все стоял и думал: «Как это так вдруг в Школу? Там, наверное, очень интересно?! А Госпожа Мать, а Хэ?? Я буду там один?!».

Учитель настойчиво стучал пальцем.

– Господин мой Ван Ли, вы позволите недостойному прочесть Высокий приказ?

– Да, да, конечно!! (Сейчас он мне все объяснит.)

Но в приказе длинными и сложными словами было написано только то, что сказал мне Главный советник – завтра я отправляюсь в школу.

– Но здесь есть еще что-то, – учитель посмотрел в мое растерянное лицо. – Вам, господин мой Ван Ли, разрешено взять с собой личного прислужника.

– Но у меня нет прислужника! Здесь ничего не сказано о прислужнице, – палец учителя еще настойчивее застучал по бывшему когда-то роскошным хвосту птицы.

²⁸ Школа – в учреждаемых правителями школах, обязательной принадлежностью которых был пруд, преподавались правила поведения, музыка, письменность, счет, стрельба из лука, а также искусство управления боевой колесницей. Школы подготавливали управленческий аппарат, бывший одновременно и командным составом армий.

Когда я решал трудную задачу или разбирал хитрое предложение и был совсем рядом от правильного ответа, он всегда так смотрел на меня – взгляд его подбадривал, говорил: «Ну, ну, еще немного, вы на правильном пути, юный господин Ли», – так и сейчас настойчивый взгляд его говорил: «Думай, думай, это так просто!». А между тем, почтительно свернув свиток, он говорил своим сыпучим, но ставшим мне таким дорогим голосом подобающие слова почтения и пожеланий. И не успел я, глупый, растерянный мальчик, что-либо сообразить, он, привычно пятясь, вышел из комнаты.

– Хэ, – прошептал, – Хэ, – заорал я! Моя добрая нянюшка как будто только и ждала, чтобы я позвал ее.

– Вот! – я протянул ей Важный свиток. – Смотри!

– Я не обучена чтению, юный господин Ли, – она вздохнула. – Госпожа Мать зовет вас. Возьмите его с собой, – она почтительно кивнула в сторону свитка. Я все еще в растерянности держал его в руках.

В комнате Госпожи Матери горели веселые фонарики, из курительниц, установленных по углам, струились веселые бодрые запахи. Но все это не могло скрыть, заглушить то тяжелое, давящее, тревожное чувство, которое охватило меня, как только я переступил порог.

Госпожа Мать сидела одетая в лучшие праздничные одежды, красиво накрашенная и причесанная. Помня, как с трудом возвращалась она с Праздника, я не ожидал увидеть ее такой красивой и нарядной. И только когда я подошел к ней,

повинуясь призыву легкой руки, я заметил, что сидит она, поддерживаемая подушками, и голос ее, когда она заговорила, был совсем-совсем слабым и тихим.

– Разверни свиток, любимый господин мой Ли, – попросила она. – Я сама хочу прочесть приказ нашего Господина.

Я неловко повиновался. Хотя я и знал, что Госпожа Мать больна, но было странно больно видеть ее такой слабой и беспомощной. Даже легкий свиток был тяжел для ее прозрачных рук. Она бессильно откинулась на подушки. Хэ поднесла ей какое-то питье. Оглянувшись, я понял, что прислужниц нет в комнате. Мы были втроем – одни. Через несколько минут питье, наверное, подействовало, Госпожа Мать показала знаком, что хочет подняться с подушек. Хэ помогла ей сесть. Госпожа Мать заговорила окрепшим ясным голосом:

– Любимый господин мой Ли, завтра ты отправишься в Школу, как повелевает наш Господин. Хэ будет с тобой, – мы удивленно переглянулись, Хэ протестующе подняла руку.

Глаза Госпожи Матери не позволяли нам говорить.

– В Свитке ничего не сказано о прислужницах, значит, Хэ может отправиться с господином Ли. (Вот чего ждал от меня учитель!)

– Я не могу допустить, чтобы юный господин Ли был совсем один в чужих краях, с чужими людьми.

Она замолчала, набираясь сил. Ни я, ни Хэ не смели произнести ни звука.

– Ты будешь с нашим господином Ли, Хэ. Ты исполнишь

свои клятвы. Я смогу обойтись здесь одна, – Госпожа Мать улыбнулась каким-то своим мыслям.

– Ты не должна переживать из-за этого, наша добрая Хэ, не сердись на меня, – Хэ низко, до земли поклонилась и, закрыв лицо руками, отошла в сторону.

– Дорогой мой, – голос Госпожи Матери чуть дрожал, когда она обратилась ко мне, – Хэ будет тебе верным стражем и помощником. Никогда не расставайся с ней. Ты умный, сильный. Духи предков не оставят тебя. Я всегда буду заботиться о тебе, – ей становилось все труднее говорить. Я встал на колени у самого ложа. Легкая рука легла мне на голову. – Да дарует тебе судьба... – шептали ярко накрашенные губы.

– Госпоже надо отдохнуть, – Хэ тихонечко вывела меня из комнаты.

– Хэ, Хэ, – я с ужасом смотрел на няньку, – она (я боялся сказать это слово. Я уже знал, что умирают, но представить, что это может случиться с моей Госпожой Матерью?? О, нет!!!)... Она... она...

– Нет, дорогой господин мой, Госпожа просто очень переполновалась и устала.

– Не обманывай меня! Я видел! видел!

– Да, Госпожа наша очень больна. Но она еще поправится и увидит, каким вы станете взрослым и каким важным вещам выучитесь в Школе.

– Идемте, господин мой Ли. Надо хорошенько отдохнуть. Завтра утром мы отправимся в путь.

Спал ли я этой ночью? Надежды мешались со страхом, радость – с сомнениями. Так никто и не объяснил мне, почему я отправляюсь в Школу, сколько я там пробуду. Госпожа Мать, ее вид, ее слова пугали меня. То я видел себя в праздничных одеждах перед коридором почтительных сановников, то бледное лицо Госпожи Матери с трудом различалось через толщу полученного мной на Празднике нефрита. Какие-то неясные тени наполняли мой тревожный сон. Я пытался, мне очень важно было понять там, во сне, что это, плохие ли это, хорошие ли духи, как они относятся ко мне, что они несут мне, что они хотят от меня. Но я никак не мог разобраться...

Что-то мешало мне в этом неясном, сумрачном море чувств. Эти тени не были ни плохими, ни хорошими – все зависело от того, каким буду я, куда я поведу их.

Хэ разбудила меня рано утром. В двух маленьких узелках она увязала все наши немногочисленные пожитки. Нас никто не провожал. Я понимал, что вчера вечером простился с Госпожой Матерью, а больше ни о ком здесь не будет вспоминать мое сердце. Мы шли полутемными пустыми переходами – ни стражника, ни прислужника. В одном месте мне показалось, что из мрака стены за мной наблюдают внимательные глаза. Я тихонько позвал шедшую впереди Хэ и вместе с ней начал рассматривать стену. Глаза исчезли – никто не следил за нами.

– Идемте быстрее, любимый господин, – заторопилась Хэ.

– Нет, постой! Ты мне не веришь?! Я видел глаза!

– Верю, конечно, верю! Мы идем мимо покоев Главной жены. Мы с Госпожой думали... Я теперь совершенно уверена, что это ее рук дело... – Хэ почти бежала, увлекая меня за собой. Я сразу понял, что она имела в виду.

Это Главная жена, по ее желанию меня разлучают с Госпожой Матерью, отправляют в Школу! Я резко остановился.

– А если я не поеду?!!

– И думать не смейте, – Хэ оглядывалась по сторонам, – это опасно для всех нас. Мы не можем задерживаться, нас ждут, – Хэ показала стражнику кусочек яшмы, мне показалось, что это тот же, который я видел у Госпожи Матери, и он разрешил нам выйти через небольшой, закрывающийся крепкой дверью проход. Мы благополучно миновали заслон перед выходом²⁹, и вот она – колесница, запряженная парой прекрасных коней с резными значками³⁰.

Никогда еще я не покидал Дворца, никогда еще не видел колесницы, лошадей – только на картинках в свитках учителя, а уж проехаться на колеснице!! От нетерпения я не мог спокойно стоять!

– Ну вот! Наконец! – Хэ обменялась несколькими негромкими словами с человеком, державшим вожжи, и я быстро, а

²⁹ Заслон перед входом – экран или стена, поставленная непосредственно перед входом и закрывающая с улицы вид на дом и внутренний двор.

³⁰ Колесница – конная повозка, ездить в которой могли только лица знатного происхождения.

она – кряхтя и цепляясь за что попало, взобрались в колесницу. Я устроился на удобной скамеечке чуть позади возницы, Хэ уселась на пол под прикрытие щита³¹.

Где-то на востоке все ярче и ярче розовел восход, из-за ограды Дворца слышался птичий пересвист – разгорался ясный весенний день. Первый раз в жизни ехал я по городу, по извилистым, спускающимся к главной стене города улицам. Но ничто не привлекало моего внимания – только колесница, кони, возница! Как он ловко управляется с вожжами, как кони подчиняются его почти незаметным движениям! Вот мы уже проехали и под башней³² на изогнутой стене, окружающей главные ворота города. И простор, необъятные глазом пространства земли и неба открылись моему восхищенному, изумленному взору. У меня, выросшего в тесных стенах маленького дворцового садика, закружилась голова, перехватило дыхание. Мне пришлось покрепче ухватиться за сидение своей скамеечки.

Не сводившая с меня глаз Хэ что-то крикнула вознице. Он придержал коней. Удивленно обернулся ко мне.

– Постоим немного. Я хочу осмотреть окрестности.

Возница подчинился. Его бесстрастное лицо ничего не выражало, но он, наверное, удивлялся: на что я собираюсь

³¹ Щит – скрывал от посторонних глаз едущую в колеснице/товозке женщину.

³² Башня на глинобитной стене изогнутой формы, сооружаемая вокруг ворот в главной стене города. Эта стена и башня на ней прикрывали таким образом доступ к воротам города.

здесь смотреть? Мне же нужно было время, хотя бы несколько недолгих минут, чтобы привыкнуть, освоиться в этом без стен и загоронок мире.

И вот колесница вновь тронулась. Я приказал вознице не очень спешить, и лошади весело и легко катили колесницу сначала по дорогам, проложенным через большие поля и участки невозделанной, ждущей своей очереди земли, а потом, свернув на дорогу похуже, мы покатали под кроной светлой рощи. Все, мимо чего мы проезжали, что мы видели, будь то склоненные спины работающих крестьян, длинноногая птица, вдруг стремительно взлетевшая с покрытого водой поля, молодые светло-зеленые листья деревьев, вызывало мое удивленное восхищение. Все это было так незнакомо-знакомо, все так не похоже-похоже на рисунки и рассказы учителя. Я искал, находил и узнавал все, о чем он мне рассказывал. Все было так и совсем не так – гораздо, гораздо лучше! Все было живое!!

Я был настолько увлечен новыми непривычными впечатлениями, так поглощен всем, что видел, обонял, чувствовал, что совсем забыл и об оставшейся во Дворце Госпоже Матери, и о Школе, к которой мы неумолимо приближались. На исходе этого длинного, быстрого дня мы только раз остановились у чистого родника, чтобы напоить коней и отдохнуть самим, мы подъехали к высокому частоколу забора и остановились у больших деревянных ворот, увенчанных деревянной же сторожевой башней. В свете выдвинутых на ше-

стах больших фонарей нас внимательно осмотрели, и тяжелые створки ворот беззвучно пропустили колесницу.

Человек в простых одеждах со спокойным достоинством поклонился. Я протянул ему футляр с приказом Господина. Я стоял на колеснице, и для того чтобы взять футляр, человеку пришлось бы принять позу полного подчинения. Он же, выпрямившись после поклона, смотрел прямо перед собой и как бы не мог видеть моего движения. Хэ быстро спустилась на землю и, подставив плечо, помогла мне с достоинством выйти из колесницы. Человек еще раз поклонился и подчеркнуто почтительно принял футляр.

– Мы приветствуем молодого господина. Вас проводят во временные покои.

Несколько неброско одетых молодых людей с фонарями на шестах повели нас в темноту весенней ночи, освещая дорогу и вежливыми возгласами предупреждая о препятствиях. Нас привели в маленькую, почти пустую комнату. Я и так уже был разочарован и озадачен совсем не торжественным приемом (как быстро я привык к почестям!), и вид скромной комнаты с единственным маленьким светильником на полу – даже не фонарик! – окончательно расстроил меня. Весь день в непрерывной смене прекрасных видов и впечатлений на свежем весеннем воздухе – и так закончился!! Слезы брызнули у меня из глаз. Где моя добрая Госпожа Мать? Где наши большие красивые покои?? Хэ уже суетилась, устраивая мне ложе.

– Возьмите, мой молодой господин Ли, – она протянула мне сладкую лепешку, – поешьте, вы такие любите.

Что я, маленький? Она думает, что какая-то лепешка успокоит меня?! Но, медленно жуя чуть зачерствевшую, но от этого не ставшую менее вкусной лепешку, я незаметно для себя успокоился. И засыпая на наспех сооруженном Хэ ложе, в волнах быстро охватившего меня сна видел гордые изгибы лошадиных шей, плавный полет их грациозных тел через прекрасные поля, горящие зеленым золотом деревья в сияющую высоту бездонного неба.

Утро началось с привычного голоса Хэ. Сидя на пороге, она напевала свою любимую простую песенку. Как только я пошевелился, она поспешила ко мне. Ну, конечно, она считает, что без нее я и одеться как следует не сумею!! Но нет.

– Господин мой, вас пришел приветствовать Главный учитель. Он ждет вашего пробуждения.

В мгновение ока я был готов. Шапочка с нефритом гордо покоилась на моей голове. Маленький старичок в роскошной одежде медленно поднялся мне навстречу. Он ждал меня, сидя на большом камне прямо напротив дверей моей комнаты. Я как можно почтительней поклонился ему.

– Мы счастливы получить приказ нашего Сиятельного Господина. Мы исполним все желания нашего Великого Господина, – Главный учитель, это был он, почтительно поклонился мне.

Как он похож на моего учителя, интересно, умеет ли он

стучать пальцем? Я заставил себя побыстрее отогнать эту мысль – она вызывала неуместную улыбку на моем лице. Я снова поклонился – что можно было ответить на эти положенные слова? Все тем же почтительным голосом Главный учитель продолжал говорить о том, что никогда не было у них ученика, который занимал бы такое высокое положение, как – и он почтительно поклонился мне, и они горды оказанной им честью, что они приложат все усилия, и Сиятельный Господин, и я – молодой господин Ван Ли – останемся довольны.

Мерный песок его речи убаюкивал, и я не заметил, когда он начал говорить об устройстве моей жизни и учебы: «Они не могут настаивать, но они рекомендуют и надеются, что я соглашусь с ними, что остальным ученикам не обязательно знать о моем высоком положении, и поэтому звать меня будут, как и остальных учеников, только по имени – Ли, и жить и учиться я буду точно в таких же условиях, как остальные ученики». В заключение он почтительно пожелал мне, глубокоуважаемому господину Ван Ли, здоровья и успехов, и после нижайшего поклона медленно удалился, как бы невзначай посоветовав мне подальше спрятать мою шапочку с нефритом. Я обескураженно пытался понять, что же все-таки я сейчас слышал. А Хэ чуть слышно, как только она умела, хихикала:

– Не зря его называют Старым Лисом...

Мне отвели не очень большую, но светлую комнату в де-

ревянном домике. Сопровождавшие нас служители сказали, что есть еще несколько таких же домиков и в каждом из них живет по трое, четверо учеников. Хэ едва разложила наши нехитрые пожитки.

– Все очень удобно устроено, – похвалила она, как после тихого стука в дверь в комнату вошел человек.

– Вэнь Чан, – он поклонился мне, – я буду вашим наставником, господин Ван Ли.

Я во все глаза смотрел на этого человека – не высокий и не низкий, одетый в простые одежды, ничем не примечательное лицо, но... я никогда не видел такого человека. Было в нем что-то... что-то сильное и доброе, открытое и надежное... что-то, к чему потянулось мое сердце. Я всегда мечтал о таком друге.

– Я рад приветствовать вас, господин Наставник, – низко поклонился я, – пожалуйста, зовите меня просто Ли.

Вэнь Чан склонил голову:

– Ли, здесь, в школе, ученики обращаются друг к другу, добавляя к имени «господин», наставники же обращаются к ученикам только по имени. Познакомь меня со своим прислужником, Ли. Мне важно знать, кто живет с тобой.

Хэ вышла из своего уголка.

– О, да это прислужница, – он долго всматривался в лицо Хэ, – она была твоей нянькой?

Хэ низко, почтительно поклонилась. Вэнь Чан снова обратился ко мне:

– Я не стану сейчас долго говорить и объяснять, как устроена школа, чему и как здесь учат. Постепенно ты сам в этом разберешься. Главное, что ты должен знать, что здесь учатся мальчишки разных возрастов и в школе поддерживается строгая дисциплина. Тебе принесут общую одежду, и, когда прозвучат два удара гонга, я отведу тебя на площадку для упражнений.

Он поклонился и вышел. Почти сразу служитель принес мне одежду. Она ничем не отличалась от одежды самого служителя или Наставника. Как же они различают друг друга? И зачем бьют в гонг? Я недоуменно посмотрел на Хэ.

– Вэнь Чан сказал, что нужно время, – она напомнила мне слова Наставника. – Утром, ты еще спал и не слышал, тоже били в гонг, – добавила Хэ.

Тут послышались два громких, звучным эхом разнесшихся удара, и сразу же Вэнь Чан резко раскрыл дверь:

– Ли, ты готов, идем.

И мы побежали. Я старался держаться рядом с Наставником и бежать в одном с ним темпе. Мне это удавалось с трудом. Ведь я никогда еще по-настоящему не бегал. И когда, очень скоро, мы прибежали на площадку для упражнений, мне потребовалось некоторое время, чтобы отдышаться. Мы остановились перед группой мальчишек – повыше, пониже, одетых в такую же, как и я, одежду, мне было трудно сразу отличить одного от другого, они, кто весело, кто насмешливо, кто серьезно, кто доброжелательно, смотрели на меня.

– Ли – ваш новый товарищ, – представил меня Вэнь Чан.

Я постарался поклониться с достоинством, очень уж меня смущали прямые взгляды учеников. В это время в не приятной для меня тишине прозвучал негромкий хлопок в ладоши. Все мгновенно отвернулись от меня. В просветах между затылками и спинами я увидел худого, по пояс голого мужчину. Ученики церемонно поклонились ему.

– Постарайся выполнять упражнения вместе со всеми, – тихо сказал мне Вэнь Чан.

Я очень старался, но, конечно, не мог повторить и сотой доли того, что делали остальные ученики. Снова раздался хлопок в ладоши. Я без сил опустился на утрамбованную землю, но тут же заставил себя подняться. Ученики разговаривали между собой, разрушив строгий порядок, в котором выполняли упражнения, а несколько – трое – подошли ко мне. Высокий стройный мальчик с красивым надменным лицом поклонился мне.

– Приветствуем тебя, Господин Ли. Мы стараемся сохранить и не уронить даже здесь свое достоинство. Желаю тебе успехов и достойных друзей.

Чуть обернувшись, он представил двух остальных мальчиков – Господин Хао, Господин Цинь. Каждый из них вежливо поклонился мне. Высокий мальчик держался и говорил, как настоящий господин.

– Мое имя – Тан, – он еще раз поклонился. Пока он говорил, я успел восстановить дыхание и вспомнил приличе-

ствующие слова, которые вбивал в мою голову учитель.

– Я постараюсь запомнить твоё славное имя, господин Тан, – сказал я с подобающей случаю серьёзностью.

На лице Тана сохранилось все то же невозмутимое выражение. Хао и Цинь удивленно посмотрели на меня. Цинь, он явно был самым младшим из них, даже в удивлении приоткрыл рот. Хао насмешливо блеснул глазами.

– Ещё поговорим, – бросил он мне, убегая и увлекая за собой остальных.

Ученики построились парами, я пристроился в самом конце колонны, и мы подошли к большому навесу, где, разобравшись на группы, ученики расположились за простыми столами.

Я не знал, к какой группе присоединиться, и стоял в стороне, злясь и не зная, что делать. Вэнь Чан, который как-то исчез там, на площадке для упражнений, подошел ко мне.

– Мы немного поговорим с тобой, Ли, – он указал мне на маленький столик, – сейчас здесь учат счет. Надо определить, к какой группе ты можешь присоединиться.

Я, хоть все еще сердился на Вэнь Чана, что он оставил меня, почувствовал себя гораздо увереннее. Я хорошо знал счет – там, в уже далеких Восточных покоях, учитель много времени наших занятий уделял счету, и мне это нравилось.

– И вот еще что, – Вэнь Чан заглянул мне в глаза, – привикай быть один и самостоятельно принимать решения.

Мне приятно было внимание Наставника, понятны его

слова. Настроение мое совсем улучшилось, и я четко и легко отвечал на сначала совсем простые, а потом все более хитрые вопросы Вэнь Чана. Я думаю, что Наставник остался доволен моими знаниями. Он, правда, прямо не похвалил меня, но сказал, что я смогу продолжать занятия в одной из средних групп, и он подвел меня к столику, где среди сидящих вокруг него учеников я увидел и насмешника Хао.

Мне было не очень приятно встречаться с ним глазами, и я сделал вид, что не узнаю его. Но, когда я очутился за учебным столом и, как нарочно, рядом с ним, он исподтишка тихонечко толкнул меня и улыбнулся такой доброй, лукавой улыбкой, что я не мог сдержаться, и ответная улыбка сама растянула мои губы.

Учитель, сидящий во главе стола, постучал маленькой палочкой, призывая нас к серьезности и порядку. Этот час, когда я мог не стыдиться, мог показать, что и я что-то знаю и умею, помог мне более-менее смириться с тем, что произошло на площадке упражнений. Я почувствовал себя свободней и уверенней, и в перерыве, не стесняясь, знакомился с мальчиками, учившими счет вместе со мной.

Маленький колокольчик возвестил об окончании перерыва, и мальчики вновь расселись за столами. Но всего несколько мальчиков из моей группы остались вместе.

Все снова перепуталось, и я не знал, за каким столом, в какой группе занять место. Вэнь Чан снова, как он это называл, экзаменовал меня. Мои успехи в письме были похуже –

мне никогда не хватало терпения красиво выводить знаки, и не раз прыгающий палец учителя стучал по моим небрежным каракулям.

В этой группе мне придется корпеть над буквами вместе с малышами вроде Циня. Его несмелый взгляд исподтишка я поймал, когда усаживался за низенький столик. Сидевший через несколько столов от меня весельчак Хао подмигнул мне: «Ничего, мол, бывает!». Я дал себе слово, что ненадолго останусь с этой малышкой – им было, наверное, по восемь-десять лет! Я умею писать то, что они сейчас только учат, просто делаю это я очень небрежно. И я с удвоенным рвением принялся за упражнения.

Во время следующего перерыва малыши, сидевшие со мной за столом, наперебой начали расспрашивать меня и рассказывать о себе. Они, конечно, были совсем плохо воспитаны, но так непосредственны и естественны, что я невольно втянулся в перескакивающий с предмета на предмет разговор, и не успел подойти к Хао – он подзывал меня знаками, как перерыв окончился.

Все снова разделились на группы. Но в этот раз я уже мог лучше различать учеников и заметил, что мои младшие собеседники, их было всего четверо, все вместе уселись у одного столика. Интересно, что будут учить сейчас?

Мне совсем не хотелось снова попасть с ними за один столик – я понял, что это самая слабая группа. Но в этот раз я мог даже немного гордиться – после экзамена Вэнь Чан под-

вел меня к столику, за которым занимался господин Тан. В отличие от Хао, он встретил меня не очень приветливо: «Посмотрим, посмотрим», – говорил его насмешливый взгляд. Но что я уж точно хорошо знал, так это правила поведения! Мой учитель во Дворце наверняка считал Правила поведения самым главным предметом. Большую часть времени, которая отводилась на занятия, я заучивал и заучивал эти противные правила. Я знал, как надо вставать и садиться, поворачиваться и идти, как приветствовать старших и как приказывать младшим, я знал и умел кланяться всеми положенными поклонами и... еще я знал столько, что мог безбоязненно смотреть и на господина Тана, и на любого другого господина!

После этого урока ученики вновь разбились на пары и ушли куда-то. А я, очень довольный собой, остался с Вэнь Чаном.

– Нравится тебе школа, Ли? Что ты думаешь об учениках? – спрашивал он меня, пока мы медленно шли, как я понял, к моей комнате. – Сегодня твой первый день здесь. Первый день без семьи, на новом месте.

– Ты не участвовал во всех занятиях – мы сочли, что для первого дня это слишком утомительно. В тех уроках, в которых ты принимал участие, ты проявил совсем неплохие знания – учителя довольны тобой. Ты оказался менее подготовлен в физических упражнениях, чем можно было бы ожидать. Но это поправимо. Подумай обо всем, что я сказал.

Мы уже подошли к моему домику. Завидев нас, сидевшая на пороге Хэ быстро спряталась за дверь.

– И вот еще что, – как будто поразмыслив, сказал Вэнь Чан, – я приду завтра утром до гонга – тебе надо научиться бегать, господин мой Ли.

Хэ ждала меня у полуприкрытой двери.

– Дорогой мой господин Ли, ты голоден и устал. Я смогла приготовить твою любимую еду и лепешки. Они, правда, сказали, что это в последний раз и вы будете есть то, что и все, но мы еще посмотрим. Вас никто не обидел? И как прошел день? И что вы делали?

Никогда я не слышал, чтобы наша скупая на слова Хэ столько говорила, но я никогда и не разлучался с ней на целый день.

– Успокойся, добрая Хэ, успокойся, все было хорошо. И меня никто не обидел, и я с удовольствием поем, – мне с трудом удалось вклиниться между ее нескончаемыми вопросами.

Нянька окончательно успокоилась, только когда я поел, и ей удалось уговорить меня переменить одежду.

Прав был Вэнь Чан – это был мой первый в жизни почти самостоятельный день, день, полный разных неожиданностей. Мне надо подумать, подумать о многом. Ведь мне понравилось здесь, в школе. Во всяком случае, понравилось то, что было сегодня, и учителя, и ученики. И, конечно, мне понравился, очень понравился мой наставник Вэнь Чан. Да,

мне хочется учиться здесь. Я хочу быть хорошим учеником!

VI

Мне хочется учиться здесь! Я хочу быть хорошим учеником!

Сколько раз впоследствии повторял я себе эти слова! Тяжело дыша и еле передвигая ноги, я бежал вслед за Наставником в предрассветных сумерках задолго до первого гонга, и заклинанием бились в голову слова: «Я хочу! Я буду!». Я в тысячный раз повторял абрис ставших уже ненавистными знаков и не уставая твердил себе: «Ты можешь! Ты не уронишь лица!». А ведь были и еще дисциплины, были еще интересные вещи, на которые у меня просто не оставалось ни времени, ни сил. Хэ и так очень сердились – она совсем не видела меня: рано поутру Вэнь Чан условным свистом вызывал меня из дома, и после вечернего гонга, почти под звуки колотушек ночной стражи, я возвращался усталый и измученный.

В те первые недели, месяцы в школе у меня не было ни времени, ни сил думать, вспоминать, жалеть о чем бы то ни было. И когда однажды поздно вечером вместо того, чтобы быстро проглотить, не понимая даже, что это, приготовленную Хэ еду и, упав на ложе, провалиться в мгновения быстрого крепкого сна, я медленно, со вкусом, поел и, обращаясь к Хэ, спросил, есть ли какие-то вести из дома, я был удивлен не менее ее.

По какой-то не понятной мне причине само собой подразумевалось, что ни Госпожа Мать, ни я не будем писать друг другу. Но Хэ своими одной ей известными путями узнавала обо всем, что происходило во Дворце. Так, мы знали, что Главная жена продолжает присутствовать на Приемах и Пирах, что одну из своих дочерей она выдала замуж за чиновника Левой стороны³³. Это, конечно, было бы совсем нехорошо для Дочери Господина, но для дочери Главной жены это была очень почетная партия. И еще много чего такого же глупого передавали Хэ, но главное, что мы – я – знали, что Госпожа Мать хотя по-прежнему и не очень здорова, но любит меня так же сильно, как и раньше, и шлет мне благословения своего любящего сердца.

И вот мы сидели и разговаривали, и я не чувствовал себя усталым и разбитым, вернее, наоборот, когда я возвращался усталый и разбитый, я никак не чувствовал себя – ну, ел, спал, и все, а в этот вечер я именно чувствовал себя бодрым, здоровым, готовым шутить с Хэ, а завтра рано бежать с Вэнь Чаном, а потом писать, считать, снова бежать, делать упражнения на площадке и снова, и снова... Мне это не будет трудно, совсем не трудно.

Может быть, попросить Наставника, сказать ему, что я хочу заниматься чем-то еще? С этими приятными мыслями я

³³ Чиновник левой стороны – все должностные лица при дворе делились на левую и правую стороны. Чиновники становились на приемах каждый на свое место слева или справа от престола. Правая сторона считалась более почетной.

уснул.

Назавтра утром Вэнь Чан остановился на берегу озера. Давно уже мы не останавливались тут во время утреннего бега.

– Ты помнишь, – обратился он ко мне, – как ты ждал этого отдыха, как почти падал без сил, какого труда стоило тебе продолжать бежать дальше?! А сегодня посмотри на себя, тебе даже непонятно, почему мы остановились (я на самом деле не понимал, почему он прервал бег, так приятно, вольно было бежать, чувствовать каждую слаженно двигающуюся косточку, мышцу, жилку). Я вижу перед собой человека, который умеет идти к цели. И мне приятно быть наставником такого человека.

Эти слова Вэнь Чана застали меня врасплох. Эта была такая похвала! Но наставник не дал мне времени гордиться и радоваться.

– С сегодняшнего дня ты начнешь заниматься музыкой, – сказал он, перечеркивая все праздничное настроение, охватившее меня после его слов.

Музыка! Я бежал знакомыми тропинками рощи, перепрыгивал через положенные специально поперек пути бревна. Музыка. Я поднимался на пригорки и яростно бежал вниз. Этого только не хватало! Музыка! Я хотел управлять колесницей! На худой конец, стрелять из лука! Мой возраст позволял начать эти занятия! Я знал, что Хао занимается стрельбой, а Тан еще и колесницей управляет наверняка! Я

ожесточенно крутил в воздухе палкой, не позволяя Вэнь Чану нанести мне решающий удар. Музыка! Только девочки занимаются музыкой! Все, что угодно, только не музыка!

Чувствительный удар Наставника нарушил мои отчаянные мысли.

– Надеюсь, на остальных занятиях ты будешь более сосредоточенным, – сказал Вэнь Чан и, поклонившись мне, ушел. Я уныло направился к столику, за которым мои приятели – малышня – приготавливались к занятию.

– Твое место не за этим столом, – учитель письменности не дал мне устроиться между ребяташками.

– Ты делаешь успехи, Ли! – громко, очень громко прозвучал голос Главного учителя. Все под навесом повернулись ко мне. Я почтительно поклонился.

– Ты продолжишь занятия здесь, – Главный учитель жезлом указал на стол, среди приветливых лиц кивавших мне учеников радостно улыбался мне навстречу и Хао. Я почтительно поклонился Учителю стола и занял место между Хао и И-цзю.

– Эй, что ты не радуешься? Господин Ли, тебя похвалил Главный учитель! – Хао едва дождался перерыва, чтобы обрушить на меня град вопросов.

– Что случилось? Я никогда еще не видел такого странного мальчишку! Ты очень возгордился? Если тебя перевели за другой стол, это еще не значит, что ты самый умный! Подумаешь!

– Эй, эй, Хао, не торопись, ты не даешь ответить, – мне с трудом удалось остановить поток его становившихся все более обиженными восклицаний. – Послушай, я рад, я очень рад, что буду с тобой, с И-цзю, с другими, – я поклонился окружившим нас ребятам. – Совсем не поэтому... – мне не хотелось об этом говорить, но придется, иначе обидится не только Хао. – Я буду заниматься музыкой, – сказал я, низко опустив голову.

После странного молчания раздался дружный смех. Так я и знал! Я гордо поднял голову. Пусть попробуют смеяться мне в лицо! Но никто не обращал внимания на мои свирепые взгляды. Все продолжали хохотать! Один И-цзю с заливым румянцем нежным лицом молча укоризненно смотрел на меня. Интересно, что будет, если я их побью?!

– Ой, не могу, – Хао утирал глаза рукавом курточки. – Ну, объясните ему кто-нибудь!

Рассудительный Шэнь сделал шаг вперед.

– Дело в том, уважаемый господин Ли, – он подавил вернувшуюся улыбку, – все мы учим музыку! – выпалил он и как-то особенно посмотрел на И-цзю. Тот еще больше смутился.

– Все мы учимся играть на разных инструментах, но не любим говорить об этом, потому что успехи наши весьма незначительны. У всех, кроме И-цзю, очень посредственные способности. А И-цзю, – в голосе Шэня сквозило неподдельное уважение, – он даже умеет петь!

– Да, да, – зашумели все, – И-цзю – прекрасный певец! Не смущайся, И-цзю, никто не умеет так петь, как ты.

Бедный И-цзю окончательно смутился.

– Я учусь играть на литаврах, – Шэнь старался отвлечь внимание от И-цзю. Все опять засмеялись.

– А я учусь играть на трещотках, – неугомонный Хао скорчил пресмешную гримасу.

Все мои сомнения и страхи как ветром сдуло. Еще немного – и я бы принялся смеяться вместе со всеми, но прозвучал колокольчик, и мы поспешили занять места вокруг стола. На занятиях счетом наша группа не изменилась, и это было очень приятно. Позже, после занятий на площадке (и здесь я чувствовал себя гораздо увереннее), Вэнь Чан отвел меня в маленький домик, стоявший довольно далеко в роще.

Всевозможные музыкальные инструменты висели на стенах и стояли прямо на полу домика. Некоторые из них я видел во Дворце, но большинство были мне совсем незнакомы.

– Я привел вам нового ученика, уважаемый Учитель, – обратился Вэнь Чан в эхо комнаты. Налитый жиром, с толстыми лоснящимися щеками человек выкатился почти нам под ноги. В руках он держал шэн³⁴ и был так похож на этот инструмент, что я с трудом скрыл улыбку.

– Уважаемый господин Учитель проверит тебя и назначит инструмент, на котором ты будешь играть. После этого, Ли,

³⁴ Шэн – духовой музыкальный инструмент, состоящий из многочисленных бамбуковых трубок, вставленных в тыкву.

ты можешь возвратиться к себе.

Вэнь Чан поклонился учителю и ушел.

– Что ж, Ли, тебя ведь зовут Ли? И ты никогда не пел и не играл? (Уважаемый учитель не нуждался в моих ответах – он говорил без умолку, перебирая разные инструменты.) Приготовься, – он заставил меня бить палочкой по пустой бамбуковой трубке, потом топать ногами и хлопать в ладоши в такт со своими ударами, потом я дул в маленькие керамические трубочки, потом... я был готов продолжать эту проверку – она даже забавляла меня.

– Достаточно, – сказал уважаемый учитель, еще больше надувая толстые щеки и вытирая вспотевшую голову. – При значительных способностях очень незначительное желание. Но, – он поднял вверх пухлый палец, – занятия музыкой облагораживают! Ты начнешь с накр, – и он указал на стоящие посередине комнаты большие литавры.

– А теперь можешь идти. Я сообщу твоему наставнику, когда будут твои уроки.

Я поклонился и быстро вышел, довольный, что все так хорошо и быстро кончилось. И ведь Шэнь учится играть на литаврах – и ничего!.. Я ускорил шаг. Хотелось поскорее добраться до своей комнаты, до Хэ, рассказать все чудесные подробности этого дня.

Дом учителя музыки был довольно далеко от остальных строений, поэтому, наверное, мы никогда не слышали звуки музыки, а шум наших занятий никогда не нарушал по-

коя уважаемого учителя. И пока я шел домой, я раз за разом возвращался и к утреннему разговору, и к неожиданно открытию, что все мои товарищи учатся музыке. Я был рад! Я был горд! Я был счастлив! Все эти чувства так явно читались на моем лице, что Хэ засияла, еще не услышав ни одного моего слова, не задав ни одного вопроса. А ей и не надо было спрашивать! Меня буквально распирало желание рассказать!

После того как она решила, что я не голоден, Хэ обратилась ко мне:

– Расскажи все снова, любимый господин Ли, я не все поняла.

– Хэ, что же ты не поняла?

– Ну, почему господин Наставник сказал... что он сказал, мой дорогой Ли? – и мне пришлось вновь и вновь пересказывать умильно глядящей на меня Хэ события этого дня: и кто что сказал, и как посмотрел, и что сделал.

– Госпожа Мать будет счастлива узнать о ваших успехах, молодой господин, – тихо сказала Хэ, устраивая себе ложе на обычном месте у входа в комнату.

В эту ночь, впервые после долгого перерыва, я видел себя во весь опор несущимся на боевой колеснице. Прекрасные кони, иногда они оборачивались, кося на меня пылающими огнем глазами, и тогда сердце мое сжималось от восторга и ужаса, они несли меня вперед и вверх, все дальше унося от целящегося в меня из большого, огромного лука

Тана, от сверкающего трещоткой Хао, от беззвучно поющего И-цзю.

Мы поднялись еще выше – вот Госпожа Мать раскрыла мне навстречу свои объятия, я тяну за вожжи, упираюсь ногами в дно колесницы, я приказываю, я пытаюсь заставить коней остановиться, я хочу сойти, хочу видеть, хочу обнять свою Госпожу Мать. Но нет – я не могу удержать дышащих жаром коней, от их дыхания уже начала тлеть одежда Госпожи Матери.

Они – эти могучие кони, да и кони ли – сильнее, гораздо сильнее меня. И, увлекаемый двумя рвущимися из упряжи огненными Драконами, на остатках сгорающей подо мной колесницы я попадаю в безмерное, в бесконечно спокойное, пронизанное чуть покалывающими иголочками беспричинной радости пространство, где мои Драконы – кони? – где остатки колесницы – все рассыпалось, разлетелось серебряно-прозрачной пылью, и только знакомые, радужно-летучие очертания моего Покровителя необъяснимой силой влекут к себе. В этот раз я вижу его сидящим, моего блистательного Дракона Воздуха.

Прекрасная в своем величии голова наклоняется ко мне. Его глаза – на уровне моих глаз: я могу войти, утонуть в них... Но нет, небесный голос звучит в моей душе.

– Сегодня кончается мой год.

– Как? – сердце мое остановилось. – Я никогда больше не увижу тебя?

– Мы еще встретимся. Ты помнишь, что я сказал тебе?

– Да, – ответило мое сердце, прошептали, не открываясь, губы.

– Я буду с тобой на светлой дороге жизни.

С каждым проходящим днем, неделей, месяцем все легче, все интереснее было мне в школе.

Хао, Шэнь, И-цзю стали моими настоящими друзьями. Теперь, когда я хорошо справлялся с положенными уроками и не должен был заниматься дополнительно, у меня было и немного свободного времени. И когда нам удавалось, мы все вместе убегали на пруд, или, устроившись где-нибудь в роще, рассказывали друг другу всякие истории, особенно отличался в этом неугомонный Хао, или, преодолев его смущенное сопротивление, слушали замечательное пение И-цзю.

К сожалению, не знаю, как, но у меня совсем не получилась дружба с Таном. Да, именно с ним, первым из всех подошедшим ко мне здесь, первым заговорившим со мной, да, с ним, гордым и заносчивым господином Таном, мы не подружились.

Может быть, потому, что Хао, а за ним и Цинь с моим появлением потихонечку отошли от него, или потому, что были вещи, которые я знал и умел не хуже него, или потому, что я не искал его помощи и поддержки, не искал его покровительства, мне трудно было понять, но я чувствовал его молчаливую неприязнь.

И однажды Тан попытался унижить меня, воспользовав-

шись самым неожиданным поводом. Наша группа, все мы: Хао, Шэнь, И-цзю, Кан, Се и я, – начали изучать искусство стрельбы из лука. Это были трудные, но интересные занятия. Мы учились правильно стоять, верно держать руки, быстро рассчитывать расстояние и учитывать направление и силу ветра. Надо было привыкнуть к тем небольшим вещам, которые дополняли снаряжение стрелка для облегчения стрельбы, чтобы они действительно помогали, а не мешали и отвлекали.

В общем, было много небольших, не важных на первый взгляд вещей, которые надо было знать и уметь, чтобы в результате стрелы без промаха поражали цель. Нам всем нравилось стрелять, не очень нравились нудные подготовительные упражнения, но все уже хорошо понимали, что без них ничего не добиться, и стремились как можно лучше исполнять все указания учителя стрельбы.

И вот наступил день, когда все мы, вся наша группа, должны были показать, чему мы научились, чего добились в искусстве стрельбы из лука.

Обычно в один из Осенних Праздников устраивались состязания по стрельбе. Несколько групп учеников, те, кто вместе изучал азы, а потом и тренировался, соревновались друг с другом.

Группа, в которой был господин Тан, уже несколько раз участвовала в праздничных соревнованиях и два последних раза даже выиграла их. Мы же были новичками – это было

наше первое соревнование. Мы очень волновались. Мы не говорили о победе – хотелось для начала просто не опозориться. Но, честно, в душе каждому хотелось победы! В ясный день после праздничной молитвы и жертвоприношений в Храме все собрались на стрелковом поле. Установили щиты с мишенями, удары гонга призвали к тишине.

Три группы состязающихся вышли вперед. Каждый из нас низко поклонился Главному учителю, учителям, наставникам. Отдельный поклон полагался ученикам – зрителям – и отдельный – соперникам. Из трех групп состязающихся мы были самыми неопытными и хуже всех экипированными.

– Смотрите, – быстроглазый Се кивком головы привлек наше внимание, – у них у каждого свое кольцо³⁵ и налокотник³⁶!

И действительно, у каждого из группы Тана блестело на пальце кольцо, а на руке красовался плотный кожаный налокотник. У нас же на всех было всего два кольца и один налокотник, которые мы передавали друг другу. Вэнь Чан перехватил наши завистливые взгляды.

– Это не то, что поможет выиграть или проиграть. Тетиве все равно, какое кольцо у тебя на пальце. Вы должны победить – подтвердить, что вы умеете хорошо стрелять в любых

³⁵ Кольцо из слоновой кости – надевалось на большой палец правой руки, чтобы лучше натягивать тетиву.

³⁶ Кожаный налокотник – надевался на левую руку для упора лука при стрельбе.

условиях, – Вэнь Чан всегда знал, что и когда сказать нам.

Каждому стрелку полагалось выпустить по четыре стрелы. Мы должны были стрелять, придерживаясь определенного порядка: первый стрелок одной группы сменял первого стрелка следующей, затем стреляли вторые, и так пока каждый из нас не выпустит по четыре стрелы. И по результатам всех стрелков определялась группа-победитель.

Каждый старался сосредоточиться только на своей группе, не обращать внимания на радостные крики соперников. Из нашей группы только рассудительный Шэнь послал первую стрелу прямо в сердце мишени, Се удалось попасть в мишень, мы же, остальные, позорно промахнулись. Вэнь Чан улыбался, помогая каждому из нас приладить снаряжение. Его спокойствие и уверенность непонятным образом передавались и нам.

Результаты второй стрелы были гораздо лучше – уже не только Шэнь, но и Се послал стрелу прямо в центр, наши стрелы тоже поразили мишень.

К третьей стреле мы уже почти совсем оправились от волнения. Хао, который, несмотря ни на что, не растерял свои способности не унывать и всегда все знать, как-то успел разузнать, что и наши соперники стреляли не очень хорошо. В этот раз наши стрелы кучно ложились в цель. Шэнь, Се, И-цзю, да-да, И-цзю, попали точно в цель! Мы тоже не подкачали.

И вот решающая четвертая стрела. Шэнь промахнулся!

Два стрелка из команд-соперниц попали в цель! Хао попал! Близко, очень близко, не в сердце, но попал!! Еще два чужих стрелка, И-цзю – стрела закачалась на самом краешке мишени, но не промахнулся!! Еще двое – неважно, как они стреляют, лучше не смотреть. А вот и Се – точно! О, великий господин Се!.. Теперь Кан – ну!! – стрела, не дрогнув, впилась в центр мишени!! Последняя, четвертая стрела. Стреляет Вынь – крепкий приветливый парень. Он стоит, надежно уперев лук на левую руку, долго и тщательно целится. Молодец, Вынь, стрела в центре мишени!

Теперь очередь Тана. Все его три стрелы поразили сердце мишени! Ему нечего бояться и переживать. Чуть небрежная поза, быстрые плавные движения – стрела просвистела, даже не задев мишени!!! Тан не верит своим глазам! Никто не верит!! Бегом, нарушая все правила, Тан бросился за мишень искать свою стрелу.

Тревожно зазвучал колокольчик – я не могу стрелять, пока Тан не вернулся. Нервы мои напряжены, мышцы не могут ждать дольше. Ну вот, Тан вернулся, сжимая в руке стрелу. Главный учитель – он судья – хлопнул в ладоши – я могу стрелять. Тетива напряглась под моей тяжестью, и, испустив тонкий звенящий звук, толкнула, послала меня вперед. Я летел, ощущая движение вихрящегося вокруг меня воздуха, и попал, впился острым наконечником легкой стрелы прямо в сердце мишени! Какое это было чувство! Какое это было счастье! Слезы выступили у меня на глазах, я готов был по-

делиться своей радостью со всем миром и встретился с наполненными слезами, недоумевающими, злыми глазами Тана!!

Мы не победили, и группа Тана не проиграла, но с какими разными чувствами оставляли мы поле для стрельбы!

Праздник кончился прекрасно! Мы обсудили каждую выпущенную нами стрелу и каждое сделанное или не сделанное движение. У каждого нашлись слова похвалы и благодарности для друзей и, конечно, для Наставника. И он, мудрый наш Вэнь Чан, похвалил нас, поздравил с большой победой! Я торопился к себе, необходимо было обо всем рассказать Хэ. Она так переживала! Вчера вечером (она думала, что я уже сплю) моя добрая Хэ так настойчиво просила богов, почти угрожала, чтобы мне даровали успех! Как же я мог не торопиться к ней!

У самого дома дорогу мне преградил Тан. Домик, в котором он жил, был в другом конце шеренги домов, и я не смог скрыть своего удивления.

– Милый господин Ли очень торопится, – сказал Тан, явно стараясь подражать чьему-то голосу, – наш милый, милый добрый господин торопится к своей прислужнице! Вам, милый господин Ли, до сих пор прислуживает нянька³⁷! Какой еще храбрый воин может похвастаться нянькой!

Группа мальчиков (я только сейчас заметил их в вечерних сумерках) – они восхищенно слушали Тана и с насмешкой смотрели на меня. Он явно хочет унижить меня, заста-

³⁷ Сыновьям аристократов полагалась мужская прислуга.

вить совершить какую-то глупость. Я еще крепче сжал кулаки, кровь постепенно отливала от головы, дыхание выравнилось.

– Я не знаю, с какой целью ты пытаешься унижить меня, господин Тан, – сказал я, – но я не умею отвечать на непочтительные слова, – я сошел с дорожки и, аккуратно обойдя Тана, поднялся в свою комнату.

– Что случилось, мой милый господин Ли? – Хэ видела непочтительные жесты Тана и то, как я обошел его.

Хорошо, что моя добрая нянька не слышала его слова и то, как он пытался передразнить ее!

– Все хорошо, Хэ! Все прекрасно! Это просто так, не бойся. А главное, слушай, – и я со всеми подробностями, сам с удовольствием заново переживая каждый миг, рассказал не сводящей с меня восторженных глаз Хэ обо всем, что произошло в этот праздничный день.

– Как обрадуется наша добрая Госпожа Мать, – вытирая мокрое от умиления лицо, сказала Хэ, когда уже ни одна самая мельчайшая подробность не осталась не обговоренной.

Все мои большие и малые успехи Хэ в своей великой любви всегда связывала с именем доброй Госпожи. Я тоже, несмотря на то что время все больше и больше стирало из моей памяти образ Госпожи Матери, и каждодневные занятия и мои мальчишеские заботы заслоняли мысли о ней, старался не забывать родное бледное лицо, легкие слабые руки, помнить, что она больна, что она любит меня.

Не однажды накануне Дня посещений, когда родственникам учеников разрешалось посещать школу, я мечтал о том, как и моя Госпожа Мать в праздничных одеждах с дарами школе появится вдруг, и восхищенно замрут учителя и ученики, и завистливо посмотрят на нее матери и сестры.

Но проходил День, гости уезжали, подарки занимали свое почетное место в Храме, ученики делились друг с другом домашними новостями. «Наверняка в следующий раз и у меня будет гостя! Может быть, Госпожа Мать приедет в этот раз, – думал я, засыпая. – Было бы хорошо! Хэ права, у меня есть успехи! Госпоже Матери не придется стыдиться меня. Я очень соскучился по ней. Уже и не помню, много ли мы разговаривали, когда я был маленьким, но сейчас мне было бы что ей рассказать, о чем спросить». Сладкая, мягкая дрема-воспоминание, дрема-мечта унесла меня в маленький садик, к покрытому цветами грушевому дереву, в кажущиеся через даль лет прекрасными годы детства.

Тан продолжал будто невзначай преграждать мне дорогу при каждом удобном случае. Но я старался вежливо обходить его. Вездесущий Хао рассказал, что Тан обратился к Главному учителю – он потребовал, чтобы проверили его стрелу, и не успокоился до тех пор, пока не выяснилось, что она правильно выровнена³⁸, – так он был уверен, что не может промахнуться. И я, если раньше просто не понимал, за

³⁸ У стрел, используемых в состязаниях, строго выравнивался центр тяжести, что обеспечивало их прямой полет.

что он сердится на меня, теперь еще и жалел его – трудно для такого, как он, проигрывать! Это я хорошо знал по себе.

Приближался День посещения. В воздухе чувствовалось напряжение ожидания. Ученики старались сохранять видимое спокойствие. Но я-то уж точно знал, мне были открыты чувства друзей, с каким нетерпением бьются их сердца, как они считают дни. И мое сердце сжималось в надежде, в сладком ожидании. Вэнь Чан пришел до рассвета, до гонга. Я уже и забыл, когда в последний раз он так рано будил меня.

Наставник подождал, пока я приведу себя в порядок и вошел к нам, плотно закрыв дверь, сел напротив меня. Вэнь Чан прервал затянувшееся недоуменное молчание.

– Я собрал свое мужество с надеждой, что обращаюсь к мужественным сердцам. Твоя мать, Ли, дорогая госпожа Ван Юнь, оставила нас. Ее душа отправилась в цветущие сады³⁹ за Звездной Рекой. Оттуда она будет охранять и защищать тебя.

Хэ горячо, тяжело дышала мне в спину. Я сидел молча, неподвижно.

Мне стало холодно, очень холодно, даже глазам стало холодно, и пусто, так пусто в голове и сердце. Хэ взяла мои заледеневшие руки в свои горячие пухлые ладони, покрыла их поцелуями, орошенными слезами. Вэнь Чан, наверное, продолжал говорить. Я видел, как двигались его губы, но ничего

³⁹ *Считалось, что дух предка пребывает в небесных садах и оттуда наблюдает за жизнью на земле.*

не слышал. Не слышал я и слов Хэ, когда она, цепляясь за мои одежды, пыталась удержать меня. И его слова, и ее руки отбросил я от себя.

Небо над озером было светлым. Последние утренние звезды растворялись в поднимающемся зареве рассвета. Где она, Звездная Река? Почему туда уходит моя Госпожа Мать? Почему она, как все остальные родители, не приехала ко мне сюда? Неужели я такой плохой? Неужели я заслужил это?

Как она могла, как посмела оставить меня совсем одного? Хорошо, я знаю: она больна, ей трудно приехать сюда, пусть, не надо... Я уже привык. Но зачем же уходить так далеко? Как же теперь я увижу ее, как расскажу о своих успехах?!

Вдруг хитрая мысль мелькнула в моем воспаленном мозгу – Вэнь Чан испытывал меня! Он все это придумал, специально выдумал, чтобы проверить, испытать меня! Конечно, это не может быть правдой! Как может быть правдой такая неправда?! Ветерок, напоенный запахом спелых плодов и пожухших трав, согрел мое тело, наполнил надеждой душу. Я немного отдохну здесь, а когда вернусь, Вэнь Чану придется извиниться за это испытание!

Осеннее солнце, хоть и не очень жаркое, разбудило меня. Я потянулся, с удовольствием расправил тело. Со стороны озера доносились какие-то звуки. Мне стало интересно, что бы это могло быть, и, стараясь двигаться как можно осторожнее, я раздвинул густую стену бамбука. На берегу озера, болтая в воде голыми ногами, сидела девочка.

VII

На берегу озера, болтая в воде голыми ногами, сидела девочка. Я сразу узнал ее. Я узнал бы ее через тысячу лет, отличил бы среди тысячи тысяч девочек. Она выросла, была по-другому одета, но все равно я знал, что это она.

Так как она сидела, любуясь веселой рябью воды, я плохо видел ее лицо, а я должен был во что бы то ни стало, я должен был увидеть ее лицо. Я сделал еще одно, видимо, неловкое движение. Шум раздвигаемого бамбука привлек ее внимание. Девочка вскочила, мгновенным движением закрыла голые ноги, обратила в мою сторону настороженное лицо.

Я не хотел, чтобы она испугалась и убежала, я вышел из своего укрытия и почтительно поклонился ей. Она ответила на мой поклон, но не опустила своих глаз – они с любопытством смотрели на меня. Я не мог произнести ни звука от переполнявшего меня желания столько высказать ей, ведь все эти годы я так часто вспоминал, думал о ней. Она первая нарушила молчание:

– Почему ты здесь?

Я не мог, никогда не мог описать ее голос – он был самым прекрасным голосом в мире.

– Сегодня же День посещений! От кого ты прячешься?

И с отчетливой, жестокой ясностью я понял, поверил, что Вэнь Чан не испытывал меня, что это так, что никогда боль-

ше не увижу я свою Госпожу Мать. О!! Черная гора бездонного горя навалилась на меня. О!! «Я прячусь от самого себя», – должен был ответить я, но продолжал молчать. Что такое увидела она на моем лице, что подошла, участливо взяла за руку, заглянула в глаза?

Эта девочка совсем не соблюдает правил⁴⁰ – мало того, что она заговорила первая, вот и это – я должен вынуть свою руку из ее руки, должен был, но не мог. Слезы против воли брызнули из моих глаз. Хорошо, что она сообразила отвернуться, выпустила мою руку и отошла в сторону – я мог бы возненавидеть ее⁴¹!.. Как она догадалась, что я перестал плакать?..

– Меня зовут Синь, – вновь нарушая правила, сказала она, – я приехала сюда с семьей навестить брата. Но мне стало скучно, каждый год одно и то же, вот я и убежала сюда. А ты, что ты здесь делаешь?

В это утро я должен был говорить, моя душа рвалась наружу, жаждала раскрыться, высказать себя. И какое же это облегчение, какое необыкновенное счастье, что она оказалась рядом со мной, что ей я мог открыть свою душу!

– С-и-и-нь, – я попробовал ее имя – веселые звонкие ко-

⁴⁰ По существовавшим строгим правилам женщины не полагалось смотреть в лицо мужчине, первой задавать вопросы. Совершенно не допускался тактильный контакт между женщиной и женщиной, не связанными узами брака.

⁴¹ В воспитании особое внимание уделялось доктрине «потеря лица», одним из запретов которой являлись слезы. Тем более запрещалось плакать при посторонних.

локольчики и хрупкая, ломкая корочка молодого льда, полет ласточки в бездонном небе. Я никогда не задумывался, как зовут девочку. В моей душе, памяти ей не нужно было имя.

Си-инь – вяжущий вкус недозревшей груши, запах опавших листьев. Синь – это ее имя! И я рассказал ей – о Празднике во Дворце, о девочке с веером, о Хэ, о школе, о Наставнике, о Главной жене, о Госпоже Матери.

– Ах, – она вновь дотронулась до меня, – я знаю, что нельзя жалеть мальчиков, – ее глаза были полны слез, – но мне так жалко тебя и Госпожу Мать!

– Синь, Синь, – теперь я, как мог, успокаивал ее, – не плачь. Я знаю, что ей будет хорошо там, за Звездной Рекой. Я не буду тревожить ее покой, не буду плакать, стану вспоминать все только хорошее.

Девочка улыбнулась мне сквозь быстро просыхающие слезы и, наклонившись над водой, омыла лицо.

– Я не хочу, чтобы они спрашивали, почему я плакала, – объяснила она мне.

Я совсем не думал о времени, о том, что Синь могут искать, что она приехала навестить брата. С отчетливым ужасом я понял, что она должна уйти, что сейчас, вот-вот, она уйдет.

– Синь, – я протянул к девочке руку, сгорая от желания и боясь дотронуться до нее, – Синь, ты ведь не уйдешь просто так? Я ничего о тебе не знаю. Расскажи мне о себе.

Она покачала головой: «Я должна бежать». Как легко,

красиво она поднялась, как грациозно, быстро скрылась из глаз! Моя протянутая рука сжала пустоту, легкое колебание воздуха, чуть слышный отзвук ее шагов.

Я ведь не сказал ей, как меня зовут. Я не знаю, чья она сестра, к кому приехала. Как же мы найдем друг друга? Я опустил на колени, погрузил лицо в холодную влагу пруда. Пусть вода смывает следы слез, остудит голову. Теперь я догоню ее и все выясню. Я метался между домиками, забежал на поле для стрельбы, подбежал к Храму, был под навесом для занятий...

Где еще можно искать того, кого ты не знаешь, где искать?.. Мимо меня важно прошествовала семья маленького Цинь – на разукрашенных носилках⁴² прислужники несли его отца, я и не знал, что он такой важный сановник! Они направлялись к воротам Школы – все посетители оставляли свои колесницы у ворот. «Господин мой Ли», – только и подумал я, не было времени даже отругать себя. Я бежал, сокращая путь. Перед моими глазами колебалась худенькая спина уходящей девочки...

Они усаживались в колесницу. Сановник левой стороны⁴³ – отец – уже занял лучшее место, прислужники переносили мать из носилок, вот она скрылась за щитом, теперь оче-

⁴² Важным сановникам не полагалось ходить пешком. Кроме особо торжественных событий, когда на приемах или храмовых священнодействиях присутствовал Главный правитель, прислужники несли их на специальных носилках.

⁴³ В одежде сановников левой и правой стороны соблюдались определенные различия.

редь девочек: одна за другой, не поднимая глаз, так положенно, они исчезают за щитом. Вот предпоследняя приостановилась, подняла голову, бросила быстрый взгляд.

Может быть, она искала меня? Отсюда, из-за дерева, мне хорошо было видно все. Шедшая последней девочка наткнулась на Синь и чуть не упала. Послышался раздраженный женский голос. Синь еще раз вскинула глаза – она смотрела прямо на меня, на дерево, за которым я прятался, и девочки одна за другой скрылись за щитом. Возница натянул вожжи, всадники сопровождения подняли жезлы с вымпелами, два мальчика – я видел их со спины – склонились в поклоне.

Едва процессия скрылась за воротами, прислужники начали готовить следующую колесницу – явственно слышалось приближение еще одной семьи. Но меня интересовали эти два мальчика – постарше и поменьше. Конечно, я знаю их! Задорно вскинутую голову Хао я с радостью различу в любой толпе. А кто это рядом с ним? – неужели малыш Лю? Никогда бы не подумал, что робкий, застенчивый Лю – младший брат нашего весельчака Хао. А Синь? Она их сестра! Конечно, у такой девочки, как она, и братья должны быть самые лучшие!

Ноги несли меня домой, а я думал о Синь, о том, как и что она сказала, как плескалась вода от движения ее маленьких белых ног, как она посмотрела в последний раз. О том, какие счастливые Хао и Лю, что у них есть такая сестра, о том, что сейчас я еще больше люблю Хао, об улыбке Синь, о ее

непередаваемо прекрасном имени.

Хэ, одетая в белоснежные одежды⁴⁴, встретила меня низким поклоном. Глупая, растерянная улыбка сползла с моего лица.

– Добрый господин Ли, вам следует пойти в Храм, – голос Хэ переполняли невыплаканные слезы. Если бы я мог ударить, наказать себя! Еще не прошел день, как я узнал эту черную весть, а я... О, Госпожа Мать, прости меня в последний раз! Я никогда, никогда больше не огорчу тебя!!

В полутемном, колышущемся от дыма курений Храме меня посетил Главный учитель, наставники, учителя. Согласно ритуалу выражали они мне соболезнования, отдавали почести Госпоже Ван Юнь, моей матери.

Через неделю, совершив торжественное жертвоприношение и воскурив напутственные благовония, я прочел молитву светлой дороги – душа Госпожи Ван Юнь могла отправиться в длинный путь к прекрасным садам за Звездной Рекой. Теперь и я мог покинуть Храм.

Поддерживаемый Вэнь Чаном – всю эту неделю в храме он замещал мою родню – я возвращался домой, легкий и пустой, как облетающие осенние листья. Ясно и тревожно чувствовал я все оттенки цветов и запахов, ухо улавливало мельчайший намек на звук.

С низким поклоном подала мне Хэ питье. Впервые за неделю губы мои коснулись влаги, впервые после недели по-

⁴⁴ *Белый цвет – цвет печали. Белые одежды – траурные одежды.*

ста мое небо обожгла еда. Еще месяц не снимал я белые одежды, еще месяц не выходил из дома.

Все, даже Тан, посетили меня, выразили положенные соболезнования. Добрые же друзья мои каждую возможную свободную минуту проводили со мной. Иногда вместе, иногда по отдельности, нисколько не смущаясь и не смущая Хэ, они старались подбодрить и по возможности отвлечь меня. Постепенно дым курений развеялся, я больше ел, меньше сидел, погруженный в странные видения-размышления. Проходила горечь первых дней, я не сердился, никого не обвинял, я смирился.

Все интереснее становились рассказы друзей, все меньше я стыдился самого себя, когда вспоминал Синь, все больше думал о ней.

Через месяц – в этот день Госпожа Мать пересекла Звездную Реку – я вновь отправился в Храм⁴⁵. Это был грустный день, наполненный тихой печалью и надеждой. Мои жертвоприношения и молитвы славили госпожу Ван Юнь, я желал ей отдохновения и покоя в цветущих небесных садах. Ушла госпожа Ван Юнь, не стало моей Госпожи Матери, но ниче-

⁴⁵ Речь идет о верованиях и обрядах, связанных с представлениями о физической смерти и дальнейшей жизни духа. Об умершем полагалось говорить как об ушедшем. Первую неделю после смерти кровные родственники постились в храме, молясь, принося жертвы, помогая душе усопшего очиститься и подготовиться к трудной дороге к Звездной Реке (Млечный Путь). Траур с определенными ограничениями длился месяц. По истечении траурного месяца родственники совершали определенные обряды в храме. Считалось, что дух усопшего благополучно преодолел Звездную Реку.

го не изменилось! – все так же наступал рассвет, зимние тяжелые облака затягивали небо, маленькие серенькие птички испуганно вспархивали с отдыхающего поля. Хэ, смахнув украдкой слезу, продолжала прислуживать мне, мои добрые друзья были поглощены повседневными школьными заботами. Исчез целый мир, прекрасный мир моей Госпожи Матери, а солнце по-прежнему сияло, и люди продолжали свои будничные дела!

Со страхом, с болью, со стыдом все чаще я ловил себя на том, что занятия, друзья все больше и больше вытесняют из моих мыслей, из моей жизни образ Госпожи Матери. И вправду, учиться становилось все интереснее и интереснее.

Прошло то время, когда я с трудом справлялся с бегом, прыжками, борьбой, когда часами, учась сдерживать раздражение и находить удовлетворение во всякой хорошо сделанной работе, выписывал бесконечные знаки, сидя с малышами у низкого столика. Теперь каждый из нашей группы мог выбрать, какое из занятий он хотел бы продолжить: я и непоседливый Хао выбрали счет, Шэнь и Се, у них это получалось очень красиво, продолжали занятия письмом, а И-цзю и Кан решили, что правила поведения – это то, что им больше всего нравится, хотя И-цзю всему на свете предпочел бы занятия музыкой, а Кан готов был с утра до ночи драться, кувыркаться, поднимать тяжести.

Кроме этого, мы обязательно продолжали заниматься физическими упражнениями – они становились все сложнее,

требовали большей подготовки тела и духа, не разрешили нам оставить и занятия музыкой, и, как ни странно, каждый из нас научился находить что-то для себя важное и в этих не очень любимых поначалу занятиях.

Стрельба из лука при кажущейся простоте требовала постоянных настойчивых упражнений. Да, сейчас у каждого из нас было свое кольцо из слоновой кости, свои налокотники, но не это, наконец-то мы поняли, было главным – умение сосредоточиться, мгновенно принять нужное решение, как ни странно, это было не менее важно, чем физическая сила и умение удерживать тяжелый лук.

Но самое, самое главное – нас начали обучать искусству управления колесницей! Это было трудно, но необычайно интересно! Надо было много знать и уметь. Сколько раз понесшие кони сбрасывали кого-нибудь из нас в сырую грязь или дорожную пыль, сколько раз чудом спасались мы от копыт разгоряченных лошадей, сколько раз выползали, все в синяках, из-под перевернувшейся колесницы!

Управлять колесницей! Не зря это называлось искусством! И начиналось оно с умения ухаживать за лошадьми, кормить, чистить их, следить за копытами и зубами. Нас учили различать характер каждой лошади, понимать и жалеть ее, правильно подбирать их в пары, запрягать, проверять исправность сбруи и колесницы. А еще надо было научиться метко и быстро стрелять, стоя в подпрыгивающей вслед несущимся на всем скаку лошадях колеснице. Не было вре-

мении скучать и плакать, предаваться размышлениям и сожалениям.

Дни, недели, месяцы летели, сменяя друг друга чередой рассветов и закатов. Вдруг наступал праздник, и после торжеств в Храме мы с удивленными улыбками смотрели, разглядывали друг друга. Когда, как успели мы вырасти, повзрослеть? И снова в налаженную занятость каждой минуты дня врвался День посещений, и я с замиранием сердца искал среди приехавших семью Хао, а среди них – незабываемое лицо, тонкую фигурку.

Мне не надо было видеть ее, чтобы помнить. Ее лукавый взгляд мелькал где-то впереди среди спутанных ветвей лесной дороги, и я гнал, горячил коней в безумном стремлении догнать ее. Я просыпался, снедаемый жаром мучительных желаний, а ее белые обнаженные ноги, легкое покачивание стана сверкали передо мной в темноте душной комнаты. Но все равно, следя жадными глазами, как она спускается из колесницы, как, скромно потупив глаза, следует вместе со всеми к дому Хао, я, перебираясь от дерева к дереву, прячась за ними, с восхищением видел, что она еще прекраснее, еще недостижимее, чем я представлял себе.

Целый день провел я, бродя по берегу озера. Я искал ее в каждом укромном уголке, в каждую минуту представляя и боясь, что она ждет меня в каком-то другом месте, и я бежал и с замиранием сердца вслушивался, всматривался и ждал... И вдруг я понял, что день кончается, а она не пришла и уже

не придет и надо бежать, бежать, чтобы хоть как-то успеть увидеть ее.

Семья уже усаживалась в колесницу. Она стояла, скромно ожидая своей очереди. Я должен был, но я не мог подойти – нельзя нарушать единство семьи в такие минуты. Как я подойду, что скажу, как мне ответят, что подумают?!

Не важно, я все равно подойду.

Я опоздал! Она скрылась за щитом, так и не подняв глаз, ни разу не посмотрев по сторонам, не подарив мне прощального взгляда.

Разъехались все гости, тихо, безлюдно стало у ворот школы. Почему я так ждал ее, на что надеялся? Я задавал себе эти вопросы, не зная, боясь искать и найти ответ.

Хэ угощала Вэнь Чана. После того как мы с Хэ остались одни, Наставник стал часто навещать нас в нашу скромную комнату. Иногда он просто молча сидел, наблюдая, как неутомимые руки Хэ ткут и ткут бесконечное полотно, потом так же молча, поклонившись, уходил, иногда затевал долгий и неспешный разговор с Хэ, выпрашивая ее о днях молодости, о песнях, о преданиях. Но главное – это наши с ним тихие откровенные беседы: о чем только не говорил я с мудрым, всезнающим Вэнь Чаном!

Я мог рассказать ему, как скучаю о Госпоже Матери, как корю себя, что все реже вспоминаю о ней, мог разобрать с ним сложную задачу, заданную учителем на уроке счета. Соглашался и не соглашался с ним, когда мы обсуждали мои

отношения с Таном. Он уважал мои печали, поддерживал в дни сомнений и разделял мои радости. Он знал обо мне все и продолжал любить и уважать меня. Я знал это, знал потому, что сам любил и уважал его как никого другого. Единственное, о чем я никогда не говорил с ним, единственное, что он не знал обо мне, – это она!

Вэнь Чан отставил в сторону пустую посуду, поклонился Хэ.

– Благодарю, очень вкусно. Мне хотелось побыть с тобой в этот день, Ли, – поклонившись, я побыстрее прошел в свой уголок.

– Я знаю, что это не просто для тебя, – я низко опустил голову, мне хотелось получше спрятать свои глаза, как будто в них Наставник мог увидеть все, что я делал в этот день.

– Я рад, что у тебя нашлись силы справиться самому, – ни звуком я не заполнил паузу. – Ты знаешь, я всегда готов выслушать тебя.

Но ни в этот, ни в следующие разы, ни в мучительные минуты между Днями посещений я не мог рассказать ему об этом – о моей мечте и боли. Ведь в следующий День посещения я ее совсем не увидел – она не приехала! Я должен был, я сгорал от желания узнать, что случилось, почему? Но как я спрошу? Друзья всегда обсуждали друг с другом, как прошел, что было в День посещения – им было чем поделиться, о чем рассказать.

Обычно я старался занять себя в это время, да и они, зная,

что это может причинить мне боль, старались при мне не говорить о своих семьях. Но в этот раз я устроился неподалеку от друзей – мне надо было получше приладить тетиву на своем луке, и я совсем не мешал им, да и их голоса поначалу едва доносились до меня. Вот Шэнь, как всегда подробно, не обращая внимания на шуточки Хао, рассказал о переменах в семье, о высоком месте, которое занимает его отец.

И-цзю своим красивым звучным голосом (каждое, даже шепотом произнесенное им слово было отчетливо слышно) рассказал, какими красавицами стали его сестры и какие блестящие брачные союзы готовят им родители. И здесь не обошлось без веселых шуточек Хао, и всегда выдержанный И-цзю не удержался и довольно резко спросил:

– Что, возможно, у Хао есть новости поинтереснее?

– Конечно, – Хао только и ждал, чтобы удивить всех своими прекрасными новостями – одна из его сестер выходит замуж!

Тетива с визгом вырвалась из моих рук! Небо стало черным, я ничего не слышал! Се обернулся ко мне.

– Эй, Ли, что случилось? Тебе помочь? – он подошел ко мне, поднял тетиву.

– Слышал, одна из сестер Хао выходит замуж. Это такой замечательный брачный союз, что еще одну его сестренку оставили дома, то ли помогать, то ли мешать. Бедная девочка – вместо поездки сидеть дома! Представляешь?

Обычно внимательный Се не заметил моего отсутствующего

щего взгляда. Он торопился вернуться, услышать, о чем еще рассказывает возбужденный Хао. Я вертел в руках тетиву. Надо было сообразить, для чего, что с ней делают.

– Через месяц, – я отчетливо, будто он говорил мне прямо в ухо, слышал голос Хао, – Цзянь станет госпожой Цзяньди. Главный учитель обещал отпустить меня на свадьбу, – радостно звенел голос Хао, но я уже снова ничего больше не слышал.

Цзянь, какое прекрасное имя – Цзянь. Я пойду в Храм и попрошу предков заботиться о тебе, госпожа Цзянь, как я рад, что ты удачно выходишь замуж, добрая госпожа Цзянь! Небо было высоким и светлым, легкие облака – они похожи на прекрасные цветы, такими, только яркими – красными, золотыми, – украшают невесту. Такие цветы я подарю Синь, когда придет наше время. Не было у меня друга лучше Хао, и ни у кого не было лука с такой звонкой, туго натянутой тетивой!

Хорошие вести следуют одна за другой! Самой старшей группе разрешили отправиться на охоту. При чем же здесь мы? Да ведь некоторые ученики из этой группы уже покинули школу – для самых удачливых или для самых умных нашлись хорошие места в управлении и в армии, и для охотничьих колесниц оставшимся не хватало возниц. Они, как и мы, обучались и управлению колесницей, и стрельбе во время движения.

Но, поскольку метко стрелять на ходу было гораздо труд-

нее и почетнее, чем управлять колесницей, а каждому из оставшихся хотелось обязательно добыть охотничий трофей, было решено выбрать из нас, уже овладевших азами этого сложного искусства, наиболее подходящих возниц. Любой из нас с радостью примет участие в охоте, кто же упустит такую возможность?! Как, кого выберут? Каждому из вас предоставят возможность подготовиться, потренироваться в управлении охотничьей колесницей. После этого в равном соревновании трое победителей – те, кто первыми окончат гонку, будут возницами в трех колесницах охоты, – объяснил нам условия выбора Вэнь Чан. Все мы почувствовали себя неловко.

Первый раз нам предлагали соревноваться друг с другом. Даже в ежегодных соревнованиях по стрельбе мы были одной командой – все старались ради всех. И хоть ни разу еще и не выиграли, но и не проиграли. И вообще очень гордились своей дружбой, тем, что за все эти проведенные вместе годы в учебе и развлечениях ни разу серьезно не поссорились.

– Может быть, мы выучимся, а потом учителя сами выберут троих? – И-цзю с залившим щеки нежным румянцем сказал своим ясным четким голосом.

– Да, да, – мы все были согласны. – Отличное решение! – с облегчением смотрели мы друг на друга. Подобие улыбки растянуло губы Вэнь Чана.

– Нет, – насмешливо блеснули всегда такие спокойные понимающие глаза. – Нет! Вы очень гордитесь своей дружбой.

Так докажите ее! Докажите, что и в соревновании за первенство вы не уроните, не посрамите ее! Что вы сможете остаться друзьями и после того, как одни из вас окажутся победителями, а другие – побежденными, – наставник ушел.

Мы молчали. Постепенно все взгляды обратились к Шэню: самый спокойный, рассудительный, надежный, что думает, что скажет он? Шэнь откашлялся. Я обвел взглядом друзей – все не сводило глаз с серьезного с пробивающимися усиками и явной бородкой лица нашего немногословного товарища.

– Я не понимаю, чего мы испугались? – только и сказал он. Все рассмеялись: столько приготовлений, столько ожиданий – и это все? Смех снял напряжение, разбил начавший было крепнуть лед недоверия.

– Ой, мы боимся, – покатывался со смеху Хао.

– В самом деле, – пробасил Кан, голос его давно уже приобрел глубину и силу большой литавры, – если я стану победителем, то что, И-цзю перестанет быть моим другом?

– Добрый мой господин Кан, – Хао не мог упустить такой момент, – если И-цзю победит, он, конечно, останется твоим другом! Правда, И-цзю? – он подмигнул смущенно краснеющему И-цзю.

– Конечно, я еще продолжаю изучать правила поведения, – не сдавался Кан, – но сумею сохранить дружбу не хуже некоторых других.

Се обнял его могучие плечи.

– Я полностью с тобой согласен, господин Кан. И кто бы ни выиграл, это будут самые лучшие возницы и самые лучшие друзья! А ты, что ты думаешь, господин Ли? – неожиданно повернулся он ко мне.

– Я очень хочу победить. Ужасно хочется участвовать в охоте! Я уверен, что все – каждый из нас – хочет этого! Но какое же это имеет отношение к дружбе?

Теперь улыбнулся и Шэнь.

– Я рад, Ли, что ты это сказал. Я тоже так думаю. Дружба – это дружба!

– Гэй, гэй!! – завопили мы, становясь в кружок плечом к плечу. – Мы победим!

Управлять колесницей для охоты оказалось и проще, и труднее. Проще потому, что в нее впрягли только одну лошадь и сама колесница было гораздо легче обычной, труднее – по той же самой причине. Надеяться можно было лишь на силу и резвость только одной лошади, а легкая колесница то и дело норовила перевернуться, неудачно подпрыгнув на ухабе или вылетая из лихо пройденного поворота.

Мы тренировались, пристально наблюдая друг за другом, указывая друг другу на ошибки, и подсказывая один другому, как их лучше исправить. Прямо скажем, мы были очень самоуверенны, когда думали, что это так просто и легко. Но, как бы то ни было, подошло время испытания.

От ворот школы, сделав круг по взрытому, покрытому замерзшими комками земли полю, через редкую молодую ро-

щипу каждый из нас должен был привезти отмеченную веточку со специально выбранного дерева, вернуться к воротам.

Учителя, наставники, ученики и, конечно, господа Тан, У, Чэн, колесницы которых ждали возниц, – вся школа была у ворот.

– Гэй, гэй!! – плотным кружком, плечо к плечу, как перед каждым соревнованием, взлетел в небо вопль. – Мы победим!

Прозвучал гонг – занять места! Возбужденные лошади грызли удила, косили глазами. Гонг! Пошли! Кони, колесницы одновременно сорвались с места.

Быстрее, быстрее, краем глаза заметить, кто рядом, бросить взгляд из-под руки назад, поймать в прицеле глаза спину вырвавшегося вперед! Быстрее, быстрее, не торопиться – вот Кан скрылся между деревьев рощи, за ним легкий И-цзю бросил вперед своего коня, Шэнь – его колесница неотвратно приближается к роще. Где же Хао, Се? Почему они медлят?

Некогда оглядываться, разбираться. Вот и моя колесница в редких деревьях рощи. Я чуть-чуть придержал коня – обидно, опасно заблудиться или перевернуться здесь.

На дереве осталось только три отмеченных ветки. А теперь быстрее, быстрее из рощи! Сзади слышится звук погони, впереди колесница Шэня, а еще дальше, там, почти в трех четвертях пути до ворот, Кан и И-цзю. Мне надо во что

бы то ни стало догнать Шэня, обогнать его. Но Шэнь не хуже меня понимает, что никак не может уступить мне. Мы мчимся вперед, полкорпуса коня – его преимущество.

Что это? Разгоряченные скачкой кони? Неудачно попавшая под колесо кочка? Колесницы И-цзю и Кана наскочили друг на друга, и колесница Кана упала, увлекая за собой лошадь и всадника. Колесница Шэня, а затем и моя чудом пролетели совсем рядом с остановившимся в растерянности И-цзю. Нельзя останавливаться. Нельзя помочь! Вперед! Шэнь не собирается упускать преимущество, а за спиной уже слышится шум преследования.

Гонг! Шэнь первый! Но он не останавливает разгоряченную лошадь, только все замедляет и замедляет ее бег. Гонг! Это мне! Нам! Второй! Я тоже пускаю лошадь легкой трусцой, нельзя останавливаться. И стараюсь рассмотреть, кто же третий? Не может быть!

И-цзю – в страстном порыве не дать обогнать себя сидящему у него на хвосте Хао – третий!!! Вслед за Хао подъезжает обескураженный Кан – как же так? Он же был первым! И совсем последний – неудачник гонки – Се.

Его лошадь в самом начале оступилась, и он пришел последним, буквально таща на себе колесницу и отчаянно хромающую лошадь. Гонка окончена. Есть три победителя. Но Главный учитель подходит к выбившемуся из сил, грязному Се и низко, торжественно кланяется ему! Се – герой гонки!

Господа Тан, У и Чэн уже решили, кого из нас они возьмут

себе в возницы. Только не Тан, молил я в душе, когда понял, что один из победителей – это я. Да и сам господин Тан совсем не горел желанием быть со мной в одной колеснице, с тех памятных соревнований по стрельбе мы не обменялись ни единым словом, к тому же он считал, что может выбрать лучшего – первого – и он маленьким жезлом указал на Шэня.

– Ты будешь возницей в моей колеснице.

У по-дружески хлопнул меня по плечу, так мог поступить Хао.

– Ну, господин Ли, – он подмигнул мне, – готовься. Мы пойдем в паре.

Господин Чэн поклонился зардевшемуся от смущения И-цзю.

– Я счастлив, господин И-цзю, пригласить вас в свою колесницу.

И наш скромный господин И-цзю ответил самым достойным, гордым поклоном, какой мне когда бы то ни было приходилось видеть.

Прислужники увели коней, укатили колесницы. Хао скорчил смешную рожицу.

– Если бы не запутались вожжи!

Широкая улыбка растянула доброе лицо Кана.

– Ну, как вам понравилась моя лошадь? – спросил Се. – Кто ее мне выбрал?

– Мы гордимся тобой, славный господин Се! – взволнованно сказал Шэнь.

– Гэй! Гэй! – завопил Хао. – Мы победили! – дружно поддержал его хор наших голосов.

– Охота через неделю, – подошел к нам Вэнь Чан.

VIII

Охота через неделю!

Мы не отходили от лошадей – чистили, проверяли копыта, сбрую, в тысячный раз осматривали колесницы – колеса, втулки, стойки. Хорошо, что были еще и другие занятия, обязанности, хорошо, что нам запретили спать в конюшне!

В день накануне охоты мы все шестеро собрались в Храме – помолиться, совершить жертвоприношение богу, покровителю коней. После церемонии господин Тан покинул Храм, подчеркнуто поклонившись только господам Чэну и У. Шэнь удостоился кивка и нескольких слов о том, как должна быть подготовлена колесница к завтрашнему утру. Господин Чэн завел с И-цзю длинную беседу, мы довольно часто видели его в конюшнях – он не гнушался подсказывать и направлять И-цзю и, уходя, удостоил всех нас прекрасно исполненным поклоном.

Один господин У остался с нами, когда его напыщенные друзья ушли. Он прибегал в конюшню каждую свободную минуту и помогал, и подсказывал не только мне. Со всеми нами сложились у него ровные дружеские отношения. И сейчас он обратился ко всем:

– Господа, – каждому в отдельности поклонился господин У, – вы хорошо подготовились, принесли положенные жертвы, произнесли нужные молитвы. Да сопутствует вам завтра

удача!

– Удачи и тебе, благородный господин У, – поклоном на поклон ответили мы.

Поздно вечером Хэ тихонько подошла ко мне.

– Милый мой господин Ли, – она присела у моего ложа, – сегодня в Храме я принесла жертвы. Я прошу тебя, добрый мой господин Ли, – она держала что-то в руках, – надень завтра на охоту свою шапочку. Да, это была моя детская парадная шапочка с нефритом.

– Хэ, ведь она мала мне!

– Ничего, мой господин, я пришила тесемки. Вы сможете крепко завязать ее.

– Хэ, Хэ, ну как я буду выглядеть? Все посмеются надо мной. Я не надену ее.

– Господин мой, дорогой господин Ли, Госпожа Мать, наша добрая госпожа Ван Юнь, просит вас надеть завтра эту шапочку! – Хэ умоляюще смотрела на меня, руки, протягивающие мне шапочку, дрожали.

Она так просит... Мне не хотелось огорчать добрую Хэ. Даже если это будет выглядеть смешно, все равно никто ничего не скажет.

– Хорошо, хорошо, Хэ, не волнуйся, надену я завтра эту шапочку. Обещаю тебе.

Облегченный вздох расслабил напряженное тело моей няньки, но взгляд оставался по-прежнему тревожным.

– Будьте завтра осторожны, господин мой.

– Ну, Хэ, довольно. Это всего лишь охота, обычная охота.

Умоляющий взгляд Хэ преследовал меня в ночных сновидениях. Глаза, глаза со всех сторон. Госпожа Мать, я уже почти совсем забыл ее взгляд, может быть, это она смотрит на меня? Нет, это милые глазки Синь, это их блеск ослепляет меня.

Глаза девочки не могут быть такими бездонно-огромными, непередаваемо прозрачного цвета – это мой покровитель – Дракон Воздуха, как давно я не видел его! Косяще-голубые глаза неизвестного зверя – это мифический Цзоу-юй, Хэ столько рассказывала о нем.

Конечно, это его глаза напряженно заглядывают в мои зрачки. Как я сразу не догадался?! Но почему они наливаются кровью, горят и сверкают?! Хэ с горящим фонариком в руках низко склонилась надо мной.

– Пора, господин мой. День гэн-у⁴⁶ начинается.

По скованной предрассветным морозцем земле мы выехали в поле.

Господин Тан, он считал себя главным, отдавал последние распоряжения.

– Конечно, это не настоящие охотничьи колесницы и нас слишком мало для правильной охоты, но лань или оленя мы сможем добыть. Я буду в центре. Вы, господа У и Чэн, прикроете фланги. Гоните зверя, не забывайте стрелять! – и он приказал Шэню пустить лошадь вперед. Колесница господи-

⁴⁶ День гэн-у считался особенно благоприятным для охоты.

на Чэна последовала за ними.

– Мы не будем особенно торопиться, еще не достаточно рассвело. Не горячи коня, господин Ли, – У вглядывался в поднимающийся над полем туман. – Господин Тан выбрал единственно верную тактику... Самое разумное, когда нас так мало. Но почему он решил, что в центре должен быть именно он?

Господин Ли, – взгляд У невольно удивленно остановился на мне, вернее, на моей шапочке, – пока он рассуждал вслух, я успел надеть ее и крепко завязать под подбородком тесемками, я прямо-таки видел, как господин У запретил себе отвлекаться на что-либо, – господин Ли, правь между Таном и Чэном, посмотрим, чьей будет добыча!

Наши колесницы⁴⁷ бестолково металась по полю, по лесу, вспугивая, поднимая с мест животных, в тщетных попытках погони изнуряя лошадей, теряя неверно пущенные стрелы.

– Поворачивай в лес, Ли, – прокричал мне У, мы давно уже обращались друг к другу по имени.

– Они там гонят кого-то! – среди полуобнаженных деревьев странной тенью мелькнул перед нами какой-то зверь. – Фьюу, – тихим свистом У приказал мне преследовать зверя. Казалось совсем нетрудным догнать неторопливую тень, гораздо сложнее, думалось мне, будет выбрать правильную по-

⁴⁷ Охота велась со специальных охотничьих колесниц. В них впрягалась четверка подобранных по силе и по масти лошадей – два коренника и две присяжных. Охотников обслуживали многочисленные слуги и загонищники.

зицию для выстрела.

Наша разгоряченная лошадь резко остановилась, колесница со всего размаха подбила ей задние ноги, мы с У с трудом сохранили равновесие. Обратив к нам взгляд мудрых глаз на гордо посаженной голове, перед нами стоял преследуемый нами зверь.

– Цзоу-юй⁴⁸! – У и я одновременно выдохнули это имя.

В наступившей тишине над хриплым дыханием нашей лошади послышался грозный звук отпускаемой тетивы, и стрела ударилась в нефрит моей шапочки, зазвенела и... Господин Нефрит раскололся, рассыпавшись тихим шумом и тысячью блестящих осколков!!!

Мы оглянулись. Господин Тан стоял, сжимая в руке пустой лук, Шэнь обескураженно смотрел на нас.

– Тигр! Вы упустили тигра! – в злобе кричал нам господин Тан...

Никого не было в том месте, откуда мгновение назад на нас смотрели всезнающие глаза. У молча слез с колесницы, я кинулся помогать ему. Мы оттащили колесницу, подняли и успокоили лошадь, осмотрели ее ноги. Видимых ран и повреждений не было. Но лошадь была так напугана, что нечего было и думать продолжать охоту.

– Мы возвращаемся, – сказал У, перекидывая вожжи через передок колесницы.

– Бери ее, Ли, с той стороны, – и мы пошли с двух сторон,

⁴⁸ Цзоу-юй – мифическое животное – белый тигр с черными полосами.

поддерживая под уздцы лошадь. Шэнь, не дожидаясь команды, повернул вслед за нами свою колесницу.

Господин Тан верно понял, что сейчас не время отдавать приказы, и гордо молчал всю оставшуюся дорогу. Почти у самой школы нас нагнал ровный перестук копыт, а затем и колесница с возбужденными Чэном и И-цзю.

– Где вы были?! – всегда сдержанный господин Чэн не мог сдержать своего возбуждения. – Лань! Лань! Мы добыли Лань! – кричали они с И-цзю.

– Сегодня вечером прислуга позаботится о лошадях и колесницах. Мы все слишком возбуждены, слишком устали. Нам следует хорошо отдохнуть, подготовиться к завтрашнему разговору с Главным учителем, к праздничному пиру, ведь мы вернулись с трофеем.

– Подожди, – У остановил меня, когда мы передали дрожащую лошадь в руки озабоченного прислужника.

– Если можно, я хочу посмотреть, – он взглядом указал на мою шапочку, я еще не успел снять ее, хотя тесемки и впивались в кожу, были дела поважней.

Маленькая блестящая почка нарождающегося листка – вот и все, что осталось от Камня.

– Благодарю вас, Господин Нефрит, вы спасли жизнь...

– Ты думаешь, что видел того же, кого и я? – перебил меня У. – Ты уверен, что стреляли не в тебя? Я растерялся.

– На первый вопрос ответ да! Второй... Почему ты так думаешь?

– С того места, где была колесница Тана, стрелок мог увидеть дичь, но не мог попасть в нее!

У почтительно взял шапочку из моих рук:

– Благодарю, Господин Нефрит! Сегодня Вы спасли жизнь!

Все уже разошлись. Одни – И-цзю и Чэн, сияющие и ликующие, другие – Тан и Шэнь, молчаливые и подавленные.

– Подумай, что ты расскажешь завтра Главному учителю, – сказал мне У на прощание.

– Наконец-то, добрый мой господин! – у Хэ были готовы теплая вода и чистая одежда. – Благополучны ли Вы? – она пыталась заглянуть мне в глаза. Я низко поклонился ей.

– Благодарю тебя, добрая Хэ, благодарю светлую госпожу Ван Юнь, мою Госпожу Мать, ваши заботы спасли сегодня жизнь.

– Что скажешь, мудрая Хэ, что посоветуешь?! – обратился я к Хэ, когда рассказал обо всем, что произошло в этот странно-тревожный день. Хэ склонилась перед шапочкой.

– Благодарю тебя, священный камень. Твое сердце, благородный господин Ли, – обратилась она ко мне, – подскажет тебе правду.

Утром я предстал перед Главным учителем. Я никогда, кроме того первого дня в школе, не разговаривал с ним, не видел его вблизи.

Его комната, а привели меня в его личные покои, почти ничем не отличалась от моего скромного жилища, ну, может

быть, была чуть побольше, да еще многочисленные свитки, которые горой лежали на маленьком столике в углу.

По лицу Главного учителя, как всегда бесстрастно-благожелательному, нельзя было понять, что он думает, как отнесется к тому, что произошло на охоте.

Почти всю ночь я не мог заснуть – думал о том, что видел, в чем участвовал. Я не мог решить, прав ли У. Не чувствовал, что я могу принять и поддержать его подозрения. Поэтому я постарался четко пересказать события, в которых участвовал, стараясь не выказать своего к ним отношения.

– Почему ты думаешь, что это был Цзоу-юй? – переспросил Главный учитель.

– Я видел то, что видел. И так описывают Цзоу-юй.

Главный учитель долго смотрел на меня своими зеркальными глазами старой птицы.

– Ты что-то еще хочешь рассказать мне, Ли? – у него был тихий усталый голос.

– Господин Главный учитель, спросите меня, я с почтением жду ваших вопросов.

Легким движением руки Главный учитель отпустил меня.

Со всеми нами, участниками охоты, Главный учитель встретился и разговаривал. Мы не знали, когда и о чем он беседовал с каждым из нас, но, когда встретились перед Праздничной трапезой – чествовали вернувшихся с добычей Чэна и И-цзю, нам достаточно было обменяться взглядами, чтобы понять, что все мы через это прошли.

Все вместе – к нам присоединились и Хао с Каном и Се – усадились мы за праздничный стол. Только господин Тан, как обычно, с заносчивым и неприступным видом выбрал себе место подальше от нас. Чэн и И-цзю, все еще не пришедшие в себя от опьянения охоты, не уставали рассказывать и рассказывать – как они подняли лань, погнали ее, как несколькими меткими стрелами Чэн добился победы, не уставали хвалить друг друга. И нам всем, собравшимся за столом, было весело и радостно слушать их, расспрашивать и восхищаться.

Так получилось, что это веселое застолье оказалось последним, в котором все мы принимали участие. Первым оставил школу господин Тан. Он исчез довольно скоро. Тихо, ни с кем не попрощавшись, он ушел из нашей жизни. Доходили слухи, что ему нашлось хорошее место в армии.

Потом один за другим У и Чэн заняли подходящие им места среди чиновников управления.

Се первый из нашей группы покинул школу. Вслед за ним в большую жизнь отправились Шэнь, И-цзю, Хао, Кан. Расставание с каждым из них было и печальным, и радостным. К радости за друга, к пожеланиям удачи и благополучия примешивалась тихая печаль, и мысли о себе, о дальнейшей жизни, занятиях все чаще и чаще заставляли с тревогой смотреть в будущее.

Быстро, очень быстро разъехались, разлетелись мои друзья. Какие-то два года – и я один из всех все еще в школе и

не знаю, когда и куда я отсюда уйду.

Все чаще и чаще в моих размышлениях я вспоминал Главную жену. Мне нужна была какая-то поддержка, а она, насколько я мог припомнить, была единственным человеком, кроме Госпожи Матери и Хэ, которого хоть как-то интересовала моя судьба. С Хэ я не мог говорить о ней. Моя добрая старая нянька, хотя никогда прямо и не говорила об этом, ненавидела Главную жену. Она считала, что та виновата в моей не сложившейся судьбе, в болезни и раннем уходе ее дорогой госпожи Ван Юнь. Только в беседах с Вэнь Чаном мог я касаться этой темы.

Наставник был и остался моим лучшим другом. Более того, от года к году наша дружба и взаимопонимание крепли. Мое доверие к нему было безграничным. Наши беседы, а говорили мы обо всем на свете, расширяли мои познания, открывали передо мной новые неведомые стороны жизни, заставляли серьезнее задумываться о себе, о своем месте в мире, стремиться совершенствоваться и укреплять свои знания. Вэнь Чан никогда в наших беседах не касался интимных тем, не старался насильно вызвать меня на смущающую откровенность. Я знал, что он понимает мое душевное состояние, но он, по негласному, произвольно возникшему между нами соглашению, никогда первым не заговорит об определенных вещах.

Неопределенность моего положения, неизвестное будущее все больше и больше тревожили меня, омрачали мою

спокойную, ровную жизнь в школе. И я решил поговорить об этом с Вэнь Чаном. Если я откладывал этот разговор, считая, что, может быть, Наставника не могут особенно интересовать реалии повседневной жизни, то, к своему радостному удивлению, обнаружил в Вэнь Чане внимательного, а главное, понимающего собеседника.

– У меня нет для тебя совета, я ничего не могу ответить. Прежде узнаем, что происходит во Дворце.

Простой четкий ответ Наставника позволил мне на какое-то время заставить себя не думать, отвлечься от снедающей меня неизвестности. Мне пришлось запастись терпением. Не так быстро, как я предполагал, как мне хотелось, но Вэнь Чан вернулся к нашему разговору.

– Ты проявил благоразумную сдержанность и достойное терпение, Ли, – сказал Вэнь Чан, когда мы расположились в его более чем скромной комнате. – Не так просто оказалось собрать все нужные сведения и сложить из них более-менее ясную и достоверную картину.

Прославленная своей красотой наложница Господина – Цзян И – очень возвысилась за последние годы. Завистливой клеветой и лестью она сумела оттеснить от Господина и Главную жену, и лучших сановников. Ее одну слушает Господин, ей одной доверяет. Все во Дворце творится по желанию всесильной Цзян И. А ее желания непредсказуемы – она капризна и непостоянна, во всем руководствуется только своими, не всегда чистыми, интересами.

– Я думал, – продолжал Вэнь Чан, – если мне вообще следует высказать свое мнение, что, возможно, хотя твои устремления и склад души пока не полностью принимают это, тебе следует остаться в школе. Ты сможешь избрать одну из специальностей и, углубив свои знания, стать учителем или, пройдя соответствующую подготовку, избрать себе должность наставника.

– Иными словами, мой мудрый Вэнь Чан, ты считаешь, что мне нет места за пределами школы и школа – это единственное место, где я могу находиться, не подвергая жизнь непосредственной опасности, где я могу проявить свои знания и умения? – наставник выдержал мой взгляд.

– Ты свободен в своем выборе, Ли. Я считал, что должен высказать свое мнение. Возможно, это поможет тебе лучше понять свое положение, уяснить, чем ты располагаешь, на что можешь рассчитывать. Любое твоё решение будет принято с уважением и пониманием.

Мне, конечно, было очень важно знать, что думает, как оценивает мое положение Вэнь Чан, и я не преминул его в этом уверить.

Но что же мне делать? Как строить свою жизнь? Сколько лет я не видел Синь и сколько уже лет, как Хао покинул школу, даже ничего не слышал о ней, но мысли о ней, память о ее взгляде, ее прикосновении продолжали с не меньшей силой будоражить и горячить мою кровь, зубы стучали в ознобе непреодолимых желаний.

Воспоминания о ее легком стане, белых, возмутивших спокойствие озерной глади ногах не позволяли мне принять решение остаться в школе. Ведь все учителя и наставники давали обет безбрачия. А я знал, чувствовал, что нет, не будет мне покоя, не будет мне жизни без этой прикрывшей прозрачным веером лицо девочки.

Кто, как мог помочь мне, облегчить тяжесть не решаемых решений?! Сколько раз обращал я свой взгляд, свое сердце в бездонную голубизну неба. Среди легких летящих облаков, среди тяжелых грозовых туч искал я хотя бы намек на прекрасный облик моего Покровителя, в сплетении солнечных лучей, в лунном сиянии пытался уловить его блистающий взгляд. С горячей мольбой обращался я и к духам предков, и к Госпоже Матери. Но только в своей душе должен был найти я ответ. А душа, жадный до новых впечатлений ум, молодое, полное сил тело звали, рвались из устоявшейся, знакомой рутины в неизвестную, полную опасностей и удовольствий жизнь.

Когда я стал исподволь готовить Хэ, что мы покинем школу, моя старая нянька на удивление спокойно, а главное, практично – она сразу же стала думать о том, где и как можно остановиться на первое время, – отнеслась к моему решению. Но этим планам не дано было осуществиться.

Среди ночи Вэнь Чан пришел в наше жилище – за столько лет первый раз в столь неурочное время, без приглашения, тихо, как будто чего-то опасаясь. Должно быть, произошло

что-то очень важное, иначе почему он не дождался утра, почему так горят его глаза, почему так озабочены, торопливы его движения.

– Наш Светлейший Господин, – сказал он голосом... странным, не свойственным ему голосом, – покинул нас, и вся семья ушла вместе с ним⁴⁹, – я почувствовал, как замерла, заледенела Хэ. Я все еще не понимал, к чему клонит Вэнь Чан.

– Госпожа Цзян И, – голос Наставника дрогнул, – провозгласила своего сына – Бо Фу – наследником престола и Светлейшим Господином.

Хэ вцепилась в меня ледяными пальцами.

– Наша школа содержится Господином. Завтра утром Главный учитель принесет Великие клятвы⁵⁰ Богоподобному Господину Бо Фу.

Вэнь Чан низко, до земли поклонился мне, поклонился старенькой Хэ и ушел, плотно закрыв за собой дверь нашей комнаты. Хэ отошла от меня и засуетилась, отыскивая что-то в своем уголке. Я начал разжигать фонарик – весь этот ночной разговор происходил в относительной темноте – свет одинокой яркой звезды освещал комнату через оконце, а Вэнь Чан начал говорить, не дав времени разжечь огонь. Хэ

⁴⁹ Вероятно, речь идет о дворцовом перевороте, в результате которого члены правящей семьи и прямые наследники были истреблены или покончили с собой.

⁵⁰ Великие клятвы – торжественные, сопровождаемые закланием жертвенного животного клятвы во взаимной верности.

остановила меня:

– Здесь достаточно света, дорогой мой Ли, – не помню уже, когда она так меня называла, – чтобы совершить то, что избавит нас от неминуемых чудовищных мук.

Блестящие отполированные лезвия сверкнули в ее натруженных руках. Я невольно отшатнулся.

– Что ты задумала, Хэ?

– Ты слышал не хуже меня слова, произнесенные другом. Он рисковал жизнью – его дар бесценен: нам дано выбрать свою смерть.

– Объясни мне, Хэ, – я все еще отказывался понять и признать действительность.

– У нас мало времени, дорогой мой юный господин. Завтра утром, уже сегодня, – поправила она себя, – нас отправят во Дворец. Ли, ты один из семьи, ты законный наследник, а не сын какой-то Цзян И, и ты первый будешь замучен жестокими палачами!

Она протянула мне одно из лезвий – яшмовой рукоятью вперед, удерживая острие в не по-старчески крепких пальцах. Я взял стилет.

– Это гораздо легче, – Хэ рассуждала, принимая нужную позу и выверяя расстояние до своего, на простой костяной рукояти, стилета. – Моя любимая госпожа Ван Юнь встретит нас. Не бойся, маленький Ли, я пойду первой. Я не нарушу клятвы заботиться о тебе. Не мешкай! – и, подняв на меня любящие глаза, Хэ упала на лезвие.

Маленькая кучка поношенной одежды – в предрассветной серости я смотрел на то, что когда-то было Хэ – моей нянькой, моей защитницей. Я смотрел и недоумевал, не мог понять... Что-то очень важное, главное ускользало от моего запершего в оцепенении сознания.

Стилет все еще был зажат в моей руке так, как я принял его от Хэ. Другой рукой я разжал, один за другим отвел сведенные судорогой пальцы – со звоном металл выпал из моей руки, – сделал несколько движений, размял, помассировал кисть.

Я взял всего несколько вещей – их было легко отыскать: большой Нефрит, подаренный мне когда-то на празднике, Хэ свято хранила его, моя детская шапочка. Вот и все, чем я владел. Засунул за пояс стилет. И, осторожно обойдя то, что еще недавно любило и жалело меня, я вышел из комнаты. Ноги привели меня к озеру.

Если, как думает Хэ, – думала, думала, поправил я себя, – за мной должны прийти, здесь у меня больше времени, пока еще догадаются искать меня у озера! Когда-то много лет назад на этом берегу сидела девочка, болтая в воде голыми белыми ногами.

Я совсем не знаю, не знал Господина – Хэ назвала его моим отцом. Да и он наверняка забыл о моем существовании, как забыл и о Юнь Ван, моей матери. Почему же я должен уйти вместе с ним, что за закон приписывает мне это?! Нет, я не согласен, я не хочу, и я не позволю им это с собой сде-

лать! Добрая Хэ сказала, что стилет гораздо легче, и подала мне пример, первой вступив на длинную дорогу к Звездной Реке.

Но почему, кто установил, что сейчас, в эту минуту должна кончиться моя жизнь, и почему она вообще должна кончиться? Я хочу, я должен жить! Я не готов отправиться в далекий путь.

Я хочу жить! Я хочу найти и обнять эту девочку, которая разделила мои слезы об ушедшей Госпоже Матери, ту девочку, запах и смех которой снятся мне во сне. Что плохого в том, что я хочу жить, кто мне может запретить жить, чьи законы я нарушу, если останусь жить??!

Восток разгорался все ярче, все стремительнее. Он пылал буйством непередаваемо прекрасного света – как можно уйти, отказаться от жизни?!?! Я осторожно положил свою детскую праздничную шапочку на тихую гладь озера – спаси еще раз, Господин Нефрит! И, принимая все меры предосторожности, углубился в высокие заросли бамбука.

К вечеру меня стали искать и на озере. Зацепившаяся тесемками за прибрежную осоку шапочка навела их на правильную мысль, и, не утруждаясь дальнейшими поисками – все было и так очевидно ясно, – шапочку вытащили из воды и наверняка послали во Дворец – с ней Главному учителю будет проще приносить Великие Клятвы.

К собственному удивлению я проспал полночи глубоким темным сном. Пробудился я от тихого, еле слышного голо-

са. Стволы бамбука, покачиваясь, задевали друг друга, и в их шум вплетались слова – говоривший повторял их снова и снова, пока я окончательно не сбросил тяжесть сна и не понял, о чем так настойчиво шепчет голос. Рядом со мной лежали два маленьких узелка.

В одном было немного еды – увидев ее, я вспомнил, что не ел уже сутки. Но я связал узелок, ничего не попробовав – неизвестно, когда я еще найду еду, да и голос призывал меня не мешкать. Во втором узле – побольше – была простая одежда крестьянина. Вчера вечером, когда меня перестали искать, я попытался спокойно подумать и оценить все, что произошло, все, что я сделал, положение, в котором я очутился, подумать о том, что делать дальше.

О том, почему, что заставило меня сделать то, что я сделал, и правильно ли это, я не мог позволить себе раздумывать, а вот о том, что делать, как быть дальше, надо было очень и очень хорошо подумать. Прежде всего я должен выбраться за пределы школы, а потом... потом у меня был смутный план – желания. Но главное – надо выбраться из школы, а я никак не мог придумать, как преодолеть высокий крепкий забор. А уж о том, что моя одежда – одежда ученика – отличается от обычной одежды и может вызвать подозрения за пределами школы, я совсем не подумал. Теперь же у меня появилась возможность, и я должен воспользоваться ею – очутиться за пределами школы.

Я переделался, узелок с едой и увязанную школьную одеж-

ду взял с собой и, как мог быстро, постоянно проверяя, свободен ли путь, добрался до ворот школы. Здесь я тенью собственной тени проскользнул в приоткрытую кем-то дверцу у главных ворот.

Медленно, прячась за каждым комком земли, срастаясь с каждой кочкой, переполз я поле, отделявшее рощицу от школы. Как неслись мы здесь на веселых грохочущих колесницах всего несколько лет назад! Но вот я под спасительной сенью деревьев.

Можно передохнуть, отползти подальше, выпрямиться во весь рост, бросить последний взгляд на служившее мне столько лет домом пристанище, попрощаться с двумя самыми близкими мне людьми – с одной, служившей мне с первых минут моего появления в этом мире и покинувшей меня в желании и уверенности продолжать верно и преданно служить мне, и с другим, поддержавшим меня в одиночестве и отчаянии отрочества, единственным, кто догадался, понял, что произошло, что я на самом деле сделал, и, рискуя собственной жизнью, пришел мне на помощь, спас меня. Я прощался с ними, со своей прошлой жизнью. Я ни о чем не жалел, мне нечего было стыдиться.

Единственно, о чем плакало, нестерпимой болью сжималось сердце, – Хэ, моя добрая дорогая Хэ. Зачем, зачем, куда ты ушла??! Я спрятал свою одежду в глубоком, бездонном дупле, засыпал сверху сухими, наполовину созревшими листьями. Может быть, какой-нибудь зверек когда-нибудь за-

глянет в это дупло, а так... Кто будет здесь что-то искать?.. Тот мальчик, тот ученик, он остался здесь с преданной Хэ, с мудрым Наставником, с веселыми друзьями.

Новый, не знакомый мне Ли шел навстречу своей жизни, своей судьбе. Теплое ласковое солнце поднималось все выше. На пороге была весна.

IX

Теплое ласковое солнце согрело землю, небо, зверей, птиц.

Крестьян на полях, ремесленников в городах – всех радовало приближение весны. И я, крадучись, обходя деревни, ночуя среди куч прошлогоднего мусора, вздрагивая от малейшего шороха в лесу, чувствовал прилив сил – новая неизведанная радость свободы пьянила мою кровь, кружила голову.

Как во сне, ведомый, оберегаемый духами предков, проделал я длинный путь до города. Простая крестьянская семья приютила меня, дала кров и пищу. У них провел я несколько недель, заполненных тяжелой физической работой. Это была моя благодарность за ту заботу и тепло, которые они подарили мне. Они же нашли возможность переправить меня в город. Мое превращение из ученика закрытой школы в свободного, ни от кого не зависимого человека было таким быстрым, таким стремительным.

И вот я в городе. В прекрасном саду, окружающем большой красивый дом родителей Хао.

Где-то в глубине покрытых ароматными цветами деревьев раздавались звонкие девичьи голоса и веселый смех. Она должна быть там, стучало, звало мое сердце. Осторожно, стараясь не попасться никому на глаза, я вышел на бе-

рег маленького, совсем крошечного пруда. Несколько молодых женщин и девушек играли в волан. Разгоряченные лица, вольные движения. Где же, кто же среди них та, ради которой продолжает длиться моя жизнь?

Волан отлетел в мою сторону – в высокие, покрытые колючками кусты. Девушка побежала поднять его.

– Не ищи его, Синь, пора уходить, – она вернулась к подружкам. Что-то взволновало, встревожило ее, что-то было там в кустах...

Я проследил, как они веселой пестрой стайкой скрылись в доме. Я увидел ее. Мое сердце не ошиблось, глаза подтвердили это – она была и осталась самой прекрасной, самой лучшей, самой желанной! Я должен, я обязан поговорить с ней! Но как?! Что придумать?

Легкие, летящие шаги – Синь вернулась. С боязливым любопытством приблизилась к кустам.

– Синь! Не бойся, – коралловый ротик задержал крик. – Я учился в школе с твоим братом Хао! Мы встречались у озера. Ты помнишь меня?

Удивление, смешанное с каким-то давним полузабытым воспоминанием...

– Вы тот мальчик, мать которого ушла к Звездной Реке? – вздрогнувший удивленный голос. – Что вы здесь делаете?

– Синь, – какое удовольствие вслух произносить ее имя, – Синь, я пришел сюда из-за тебя, – девушка отпрянула, вот-вот она убежит. – Прошу тебя, не уходи. Я не сделаю тебе

ничего плохого. Я хочу рассказать тебе...

И я рассказал ей все. Ничего не скрывая, не стыдясь своих чувств, своих надежд – рассказал.

Она слушала меня молча, время от времени покачивая своей прекрасной головкой.

– Я хочу вас видеть, – сказала она, когда я замолчал.

Я вышел из-за кустов. Она внимательно всматривалась в мое лицо, фигуру, рассматривала простое платье.

– Я не могу узнать вас, потому что совсем, совсем не помню. Сейчас, когда вы рассказали, я лучше вспоминаю. Тогда мне было скучно слушать, как Хао хвастается, и я ушла на озеро. Да, и был там мальчик. Очень грустный, мне кажется. А все остальное, – она виновато посмотрела на меня. – Ничего такого не было. Я никогда не танцевала ни на каком пиру – я не дочь наложницы, и вообще, – она так мило зарделась, – меня просватали, и скоро я выйду замуж, – ее личико стало торжественно-серьезным. – Я не стану выдавать вас. Никому не расскажу, что вы здесь, в кустах. Но это очень нехорошо – с вами разговаривать. Желаю вам благополучия, господин...

Тоненькая фигурка засемила к дому.

Она даже не знает моего имени. Она никогда его не знала. Она никогда обо мне не вспоминала. Я столько лет строил этот воздушный замок, столько лет растил и лелеял эту змею любви. Она плотными кольцами обвила мое сердце, выжирает мой мозг, иссушает душу. А сейчас эта девушка, из-за которой я переступил закон, из-за которой я позволил Хэ

уйти по длинной одинокой дороге, она говорит, что совсем не помнит меня, она радуется своему скорому замужеству. Боги, за что, почему?!!

Важный человек в роскошных одеждах неожиданно вырос передо мной.

– Что ты здесь делаешь? – грозно обратился он ко мне. – Не может быть?! Это ты, Ли?! Но ведь ты... – Хао, мой любимый друг Хао смотрел на меня растерянными глазами.

– Да, это я, – какой у меня странный незнакомый голос.

– Ли, – лицо Хао исказила гримаса боли, – мы всегда знали, чей ты сын...

Я недоуменно смотрел на него.

– Я присягнул богоподобному Бо Фу, – казалось, он с трудом выдавливал из себя слова. – Но ты мой друг. Я забуду, что видел тебя.

Мой веселый приятель Хао повернулся и тяжелой шаркающей походкой пошел к дому.

Как я выбрался из города, как попал сюда, в эти пустынные горы, к этому блестящему свежестью ручейку?.. Кто может увидеть, остановить человека, потерявшего душу, потерявшего лицо?!

Здесь в тишине разноцветных гор лежал я, бездумно глядя в поднимающееся увеличивающееся небо. Грудь наполнялась хрустальной, переполняющей и рвущей ее пустотой бесконечности. Я смотрел и не видел, я вдыхал наполненный ароматами весны воздух и не чувствовал запахов, мой

слух не улавливал ни журчания ручейка, ни жужжания насекомых, я не чувствовал острых камушков, на которых лежал, я не чувствовал своего тела. Я чувствовал пустоту – я сам был этой пустотой.

Светлое облачко пролило надо мной легкие нежные слезы. «Хэ должна уже пересечь Звездную Реку», – впервые за долгое время я думал о ком-то другом, не о себе. Новыми просветленными глазами смотрел я на окружающий меня мир. Эти горы – сколько зим и весен видели они? Этот ручеек – кто пил из его бездонного источника? А это тоненькое вишневое деревце, покрытое юными цветами, оно и не догадывается о моем существовании.

Почему, зачем мы живем? В вечном небе движутся облака, деревья меняют разноцветную листву, величественные горы рассыпаются в прах, а я, мы, ничтожные, ничего не значащие, наши быстротечные жизни проносятся незамеченными, нераспознанными тенями на фоне величественной природы.

Грусть, бесконечная грусть наполняла мою душу.

Взгляд, исполненный огня и любви, взгляд, понимающий и зовущий. Я чувствовал его. Я поднимался все выше – на самую вершину. Навстречу мне, распахнув блистательные крыла, спускался Дракон Воздуха.

Эпилог

*И от земли до дальних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне —
Души отчаянный протест.*

Федор Тютчев

Звездолет класса «Дракон», регистрационный номер 6–7–8/1, преодолел очередной пространственный рубеж на пути к Сириусу, двойной звезде в созвездии Большого Пса.

Экипаж собрался в комнате отдыха. Это было самое большое помещение в рассчитанном до миллиметров жилом объеме звездолета. Устроенное с учетом психологических особенностей каждого члена команды, оно непосредственно примыкало к рубке управления и в свободное от вахт или индивидуальных занятий время служило отличным прибежищем для наиболее коммуникабельных звездолетчиков.

И на этот раз, как обычно после рубежа, все члены экипажа, исполнив свои штатные обязанности – проверив функционирование вверенных им систем, – собрались в комнате собраний, чтобы обсудить пережитую во время рубежа историю.

Оракул корабля произвольно выбирал члена экипажа и на основе исторического прошлого его народа и личностных кармических воспоминаний звездолетчика реконструи-

ровал небольшой отрезок из жизни его далекого предка.

Остальные члены экипажа – гуманоиды различных культур и социальных уровней – получали возможность глубже познакомиться с историей и культурой народа своего товарища по экипажу, лучше понять и признать его, а следовательно, и межличностные отношения, и связи становились более уважительными и доверительными, что, в свою очередь, положительно сказывалось на психологической атмосфере во время напряженного межзвездного перелета.

Внимание собравшихся было приковано к психологу корабля. Одной из его многочисленных обязанностей было руководить этими «послерубежевыми» беседами, помочь каждому понять и с уважением принять этические и культурные нормы другого. Но в этот раз статистический выбор Оракула пал на него – психолога 1 класса звездолета «Дракон» 6–7–8/1 Син Ли. И теперь это его история...

Ах небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, что ты навек ослепло!
И день пришел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла...

О. Мандельштам

2005–2006. © Тевкин Г.